

Н.Р.ЭШФОРД

Шёпот
ГРАНАТОВЫХ
САДОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Николас Реймонд Эшфорд

Шёпот гранатовых садов

«Автор»

2026

Эшфорд Н.

Шёпот гранатовых садов / Н. Эшфорд — «Автор», 2026

Александрия, 1910 год. Юная Лейла Искандер — королева балов, невеста блестящего аристократа и пленница собственных иллюзий. Она знает, что мир создан для её удовольствия. Но однажды вечером всё меняется. В её жизнь врывается Кемаль Бора — циничный торговец табаком с тёмным прошлым, который осмеливается смеяться ей в лицо. Их единственная встреча превращается в искру, которая испепелит весь её привычный мир. Когда страна погружается в хаос гражданской войны, Лейла теряет всё: дом, семью, жениха, положение. Оставшись одна среди руин, она вынуждена принять унижительную сделку от ненавистного Кемалья: брак в обмен на защиту. Отныне она — жена по контракту в мрачном доме из серого камня. Но именно там, где гордость сталкивается с выживанием, а ненависть переплавляется в обжигающую страсть, Лейле предстоит узнать, как тонка грань между любовью и войной, и какова истинная цена свободы. «Шёпот гранатовых садов» — это захватывающая историческая драма.

© Эшфорд Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Лепестки в солнечном свете	6
Глава 1. Девушка с жасминовым взглядом	6
Глава 2. Идеальный Селим	15
Глава 3. Человек, который не танцевал	26
Глава 4. Пари на гордость	39
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николас Реймонд Эшфорд

Шёпот гранатовых садов

Оглавление

Часть I. Лепестки в солнечном свете

Глава 1. Девушка с жасминовым взглядом

Глава 2. Идеальный Селим

Глава 3. Человек, который не танцевал

Глава 4. Пари на гордость

Глава 5. Бал-маскарад у моря

Глава 6. Гроза на горизонте

Часть II. Пепел и руины

Глава 7. Ночь, когда погасли звёзды

Глава 8. Бегство из Александрии

Глава 9. Условия господина Бора

Глава 10. Венчание в заброшенной мечети

Глава 11. Дом из серого камня

Глава 12. Уроки выживания

Глава 13. Тайна табачных плантаций

Часть III. Птица в клетке

Глава 14. Жена по контракту

Глава 15. Возвращение призрака

Глава 16. Язык ненависти, язык страсти

Глава 17. Стены рушатся

Глава 18. Вторая жизнь виллы «Эгей»

Глава 19. Предательство и горькая правда

Часть IV. Горький мёд

Глава 20. Сделка с дьяволом

Глава 21. Цена свободы

Глава 22. Дорога в Стамбул

Глава 23. Женщина, которая выжила

Глава 24. Последний выбор Лейлы

Эпилог. Шёпот гранатовых садов

Часть I. Лепестки в солнечном свете

Глава 1. Девушка с жасминовым взглядом

Александрия, май 1910 года

Жасмин пахнет ложью.

Лейла Искандер поняла это ещё в детстве, когда нянька-гречанка уверяла её, что запах жасмина отгоняет злых духов, а сама воровала серебряные ложки из буфета. С тех пор всякий раз, улавливая сладкий, приторный аромат, Лейла невольно искала подвох. Но сегодня — сегодня всё было иначе. Сегодня жасмин цвёл для неё.

Она стояла у распахнутого окна своей спальни на втором этаже виллы «Эгей» и смотрела на море. Средиземное море в этот утренний час было розовато-золотым, словно внутренность перламутровой раковины. Лёгкий бриз шевелил занавески и пряди её волос — иссиня-чёрных, тяжёлых, не заплетённых ещё в причёску. В такую минуту полагалось думать о чём-то возвышенном. О любви, о красоте мира, о предстоящей помолвке.

Лейла думала о том, что её корсет затянут недостаточно туго.

— Фатма! — позвала она, не оборачиваясь. Голос её был мелодичен, но звенел металлом. — Если ты ещё раз пожалеешь мои рёбра, я прикажу затянуть тебя в корсет и отправлю гулять по набережной в полдень.

Служанка, пожилая женщина с лицом, изрытым оспой, всплеснула руками:

— Госпожа, да на вас и так талия — двумя ладонями обхватить можно! Селим-бей и так глаз от вас не отводит.

— Селим-бей, — Лейла наконец обернулась и позволила себе улыбку, — будет смотреть на меня так, как я позволю. А я желаю, чтобы его взгляд стал совершенно беспомощным. Продолжай.

Она снова отвернулась к окну, подставляя спину, и Фатма, ворча что-то о злых духах, вселившихся в молодых госпож, принялась затягивать шнуровку с утроенной силой. Лейла даже не поморщилась. Боль была привычной ценой за совершенство, а совершенство было её оружием.

В свои семнадцать лет Лейла Искандер обладала красотой редкой, почти неестественной. Глаза — миндалевидные, цвета тёмного мёда на просвет, опушённые такими ресницами, что даже француженки из консульства спрашивали, не красит ли она их сажей. Скулы — высокие, точеные, как у черкесских прабабок. Рот — капризный, чуть полноватый, созданный для того, чтобы произносить «нет» тоном, не терпящим возражений. Кожа — оливковая, гладкая, никогда не знавшая ни пудры, ни белил. Когда она шла по набережной в своём светлом платье, с зонтиком от солнца в тонких пальцах, даже старые рыбаки оборачивались, бормоча, что такой красоте место в гареме султана, а не на открытых улицах.

Но Лейла была далека от гаремов. Её мать, Сафие-ханым, получила европейское образование в Париже и воспитала дочь в презрении к затворничеству. Её отец, Экрем Искандер, владел тремя табачными плантациями и дюжиной кораблей, но главным его сокровищем была дочь, и он позволял ей всё — даже то, от чего у матери начиналась мигрень. Ездить верхом по-мужски. Читать французские романы, не предназначенные для девичьих глаз. Спорить с гостями о политике. И выбирать мужа самой.

Она и выбрала. Селим Назир. Высокий, тонкий, с глазами газели и душой поэта. Его семья была древнего рода, но обеднела так, что виллу «Глициния», где он жил, не ремонтировали уже два поколения. Зато Селим писал стихи, которые шептали в дамских будуарах, и умел смотреть на Лейлу так, словно она была не девушкой из плоти и крови, а ожившей персидской

миниатюрой. С ним она чувствовала себя иконой, которой поклоняются. Это было приятно. Это было правильно. Это было то, чего она хотела.

— Готово, госпожа, — выдохнула Фатма, отступая. — Теперь вас можно сломать пополам одним щелчком.

— Зато платье сядет идеально, — Лейла провела ладонями по талии, проверяя. Платье было новым — цвета морской волны, с серебряной нитью по подолу. Мать прислала его из Парижа специально к помолвке. Оно стоило столько, сколько семья Селима тратила за полгода, и Лейла знала это. Ей нравилось это знание. Не само богатство — она не была алчной. А власть, которую оно давало.

Сегодняшний приём должен был стать неофициальным объявлением помолвки. Приедут все: и старые османские семьи, и дельцы новой волны, и консулы, и офицеры. Отец хотел представить будущего зятя обществу. Лейла хотела, чтобы общество лопнуло от зависти.

Она ещё раз взглянула в окно. Внизу, в саду, уже сустились слуги: расставляли стулья под старым платаном, накрывали столы белоснежными скатертями, выносили серебро. Музыканты настраивали инструменты в тени галереи. Скоро всё это наполнится голосами, смехом, звоном бокалов с французским шампанским.

И Селим. Он будет стоять рядом, чуть позади её плеча. Он возьмёт её руку и поднесёт к губам — непременно перед всеми, чтобы видели. Он прочтает сонет, написанный для неё. И все увидят: да, это идеальная пара. Красота и благородство. Богатство и происхождение. Так и должно быть.

Лейла улыбнулась своему отражению в оконном стекле. За её спиной Фатма переглянулась с молоденькой служанкой, убиравшей волосы с пола. Они знали то, чего не знала их госпожа: с моря шла гроза. Пока ещё далёкая, почти невидимая — лишь тонкая серая полоса на горизонте. Но опытные глаза служанок, переживших не одну бурю, видели: к вечеру небо затянет, и тогда всё веселье вместе с шампанским и стихами придётся уносить в дом под раскаты грома.

Но Лейла не смотрела на горизонт. Она смотрела на своё отражение — и видела в нём только счастье.

К полудню вилла «Эгей» гудела, как улей. Приглашённые прибывали каретами и экипажами, по аллее к главному входу тянулась вереница зонтиков, шляпок и цилиндров. Пахло сандалом, табаком и розовой водой. Лейла стояла на широкой мраморной лестнице, ведущей в сад, рядом с отцом и матерью, и улыбалась гостям той самой улыбкой, которую репетировала перед зеркалом: любезной, но царственной. Дочь рода Искандеров приветствует вас. Можете восхищаться.

— Ты ослепительна, — шепнул Экрем-бей, пожимая её локоть. Высокий, с седеющими висками и орлиным профилем, он сам был похож на портрет, сошедший со стены османского дворца. — Селим — счастливейший из смертных.

— Пусть он сам мне об этом скажет, — ответила Лейла, продолжая улыбаться. — Где он?

— Задерживается, — в голосе матери прозвучала едва заметная нотка неодобрения. Сафие-ханым, всё ещё красивая в свои сорок пять, не одобряла непунктуальность. — Передал записку, что задержался у книготорговца.

Лейла едва не закатила глаза. Книготорговец! Селим мог найти редкий томик персидской поэзии даже в день собственной помолвки. В этом был весь он: возвышенный, рассеянный, живущий не в реальном мире, а среди рифм и метафор. Но Лейла прощала ему это. Более того, ей это нравилось. Реальный мир был полон грязных денег, политики и скучных расчётов. С Селимом она могла парить над всем этим, оставаясь чистой, прекрасной, недостижимой.

Гости рассыпались по саду, разбиваясь на группки. Офицеры британского консульства беседовали с турецкими чиновниками. Жёны торговцев обсуждали парижские моды, косясь

на наряды друг друга. Молодёжь собралась у фонтана, где уже завязалась какая-то игра. Всё шло, как должно.

А потом она его увидела.

Он стоял в тени платана, у дальнего края сада, и разговаривал с её отцом. Вернее, отец говорил, а этот человек слушал — вернее, делал вид, что слушает. Он был высок — выше Экрем-бея, и значительно шире в плечах, так что европейский костюм сидел на нём как-то неправильно, словно на волке, которого нарядили в сюртук. Лицо — смуглое, обветренное, с резкими складками у рта и тяжёлым подбородком. Волосы — тёмные, чуть длиннее, чем диктовала мода. Он не был красив. Но что-то в его позе — расслабленной, почти ленивой — заставило Лейлу замереть. Так не стоят люди, желающие кому-то понравиться. Так стоит человек, которому всё равно, что о нём думают.

— Кто это? — спросила она у матери, не отводя взгляда.

Сафие-ханым проследила за её взглядом и чуть поджала губы — тот самый жест, которым она выражала неодобрение, не позволяя себе произнести его вслух.

— Кемаль Бора. Твой отец пригласил его. Новый деловой партнёр.

— Партнёр? — Лейла нахмурилась. — Он похож на... — она запнулась, подыскивая слово.

— На торговца, — закончила мать сухо. — Так и есть. Он скупил табачные склады по всей дельте и теперь контролирует почти весь экспорт. Говорят, начинал простым приказчиком. Твой отец считает, что с ним нужно поддерживать отношения.

— Он выглядит так, будто его нужно выставить за дверь.

— Лейла! — в голосе матери появилась сталь. — Я не воспитывала тебя снобом. Происхождение — это ответственность, а не право смотреть на людей свысока. Многие великие семьи начинали с торговли.

— Но не с табака же, — пробормотала Лейла.

В этот момент, словно услышав её (хотя это было невозможно — расстояние слишком велико, шум сада слишком громок), Кемаль Бора повернул голову и посмотрел прямо на неё.

Это не был взгляд, которым смотрели на неё мужчины. В нём не было ни восхищения, ни робости, ни желания понравиться. Это был взгляд человека, который разглядывает дорогую вещь — красивую, да, но всё же вещь — и прикидывает её стоимость. Его тёмные глаза медленно прошли по её лицу, по шее, по платью, и Лейла вдруг почувствовала себя раздетой. Не в том смысле, какой вкладывали в это слово французские романы, — она почувствовала себя лишённой всей позолоты, всех масок, всей той защиты, которую давали ей имя, состояние, положение. Он смотрел на неё и видел просто молодую женщину. И, кажется, это его не особенно впечатлило.

Затем уголок его рта дрогнул. Это была не улыбка — так, тень усмешки. Он чуть склонил голову в вежливом поклоне, не сводя с неё глаз, и снова повернулся к её отцу.

Кровь бросилась Лейле в лицо. Никто — никто! — не смел смотреть на неё так. Она резко отвернулась и направилась к фонтану, где собралась молодёжь. Пусть этот мужлан глазаёт, сколько хочет. Ей нет до него дела. Но осадок остался — липкий, неприятный, словно к ладони пристала паутина. И самое ужасное: Лейла не могла понять, что именно задело её больше. Наглость его взгляда — или то, что он отвёл его первым.

У фонтана её встретили радостными возгласами. Эмине, кузина и ближайшая подруга, тут же вцепилась в её локоть:

— Ты видела? Видела этого дикаря? Кто пустил его в приличный дом?

— Деловой партнёр моего отца, — процедила Лейла. — Не будем о нём.

— Говорят, его мать была из горных племён, — продолжала Эмине с упоением сплетницы. — А отец — никто. Рыбак или что-то в этом роде. Своё состояние он нажил...

— Мне неинтересно, — отрезала Лейла громче, чем следовало. Несколько голов повернулись к ней. Она взяла себя в руки и улыбнулась. — Где Селим? Он обещал быть здесь.

— Всё ещё нет, — пожала плечами Эмине. — Но зато посмотри, кто пришёл. — Она кивнула в сторону группы офицеров. — Капитан Дюбуа. Он спрашивал о тебе.

Лейла скользнула взглядом по французскому капитану — молодому, румяному, с усиками щёткой — и тут же потеряла к нему интерес. Французские офицеры были ей скучны: слишком предсказуемы, слишком старательны. Она искала глазами Селима.

И тут он появился.

Он вошёл в сад через боковую калитку, покрасневшийся, с книгой под мышкой, в слегка помятом сюртуке. Увидев Лейлу, он просиял так, словно на него снизошло божественное откровение.

— Лейла! — он бросился к ней, схватил её руку и прижал к губам. — Прости, прости меня! Я нашёл издание Хафиза 1803 года! Ты должна это увидеть!

— Ты заставил меня ждать, — сказала она, но голос её смягчился. С Селимом она не умела сердиться долго. Слишком искренним было его раскаяние, слишком чистым — его восторг.

— Я знаю, я ничтожество, — он прижал руку к сердцу. — Но я написал для тебя стихи. Они искупят моё опоздание, вот увидишь.

— Стихи, — она усмехнулась. — Ты всем обещаешь стихи, а сам весь в пыли и с чернильным пятном на манжете.

— Это не пыль, — он стряхнул с рукава невидимую соринку, — это прах веков. А пятно — знак моей преданности поэзии.

Лейла рассмеялась. С Селимом было легко. Он был как тёплый ветер, как знакомая мелодия. Она могла быть с ним собой — той собой, которую сама для себя придумала: остроумной, чарующей, слегка капризной. Он никогда не смотрел на неё так, как этот ужасный Бора. Он смотрел на неё как на богиню.

— Пойдём, — она взяла его под руку. — Скоро начнётся музыка. Ты потанцуешь со мной?

— Я не танцую, ты знаешь.

— Сегодня потанцуешь. Ради меня.

— Ради тебя я готов даже утонуть, — сказал Селим с такой серьёзной пылкостью, что Лейла снова рассмеялась.

Они двинулись к площадке перед галереей, где музыканты уже занимали места. Проходя мимо дальнего платана, Лейла бросила быстрый взгляд туда, где стоял Кемаль Бора.

Его уже не было.

Она не успела понять, разочарована она или рада. Да и не стала разбираться. Сегодня был её день. Сегодня весь мир был создан для неё. И ничто — ни один наглый выскочка, ни одна грозная туча на горизонте — не могло этого изменить.

Пока не могло.

Музыканты заиграли вальс. Первые аккорды поплыли над садом, и гости, будто повинувшись невидимому течению, задвигались к площадке перед галереей. Лейла потянула Селима за руку.

— Ты обещал.

— Я обещал утонуть ради тебя, а не позориться перед всей Александрией, — взмолился он, но сопротивление его было слабым. Селим вообще редко мог ей в чём-то отказать. В этом была его прелесть — и его слабость.

— Ты не опозоришься. Просто следуй за мной.

Она вывела его в круг танцующих. Вальс был парижский, плавный, и Селим, к его чести, двигался не так уж плохо — лишь иногда сбивался с ритма, глядя не под ноги, а на её лицо.

Его ладонь на её талии дрожала, как у мальчика, впервые прикоснувшегося к женщине, хотя они были знакомы уже два года. Лейле это льстило.

— Ты думаешь о чём-то, — сказал он вдруг. — Твои глаза далеко.

Она моргнула. Действительно, её мысли снова соскользнули к тому неприятному моменту под платаном. К чужому оценивающему взгляду, который почему-то застрял в памяти, как заноза.

— Я думаю о тебе, разумеется, — солгала она.

— Нет. — Селим покачал головой, и в его глазах мелькнула странная, неожиданная пронизательность. — Когда ты думаешь обо мне, ты улыбаешься иначе.

— И как же?

— Мягче. А сейчас у тебя лицо человека, который решает сложную задачу. Или сердится. Лейла заставила себя улыбнуться — той самой мягкой улыбкой, которую он ждал.

— Я сержусь, что ты опоздал. И что ты наступишь мне на ногу, если будешь так пристально меня разглядывать.

Селим рассмеялся и тут же наступил ей на подол, а не на ногу, но это не испортило танца. Вокруг них кружились пары: офицеры с жёнами чиновников, купцы с кузинами, Эмине с каким-то юным секретарём консульства, который смотрел на неё с голодным обожанием. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в розовато-золотые тона — те самые, что Лейла видела утром из своего окна. Но теперь к ним примешивалась серая полоса, которая стала заметно шире.

Музыка смолкла. Гости захлопали, требуя продолжения. Лейла, покрасневшая, счастливая, выпустила руку Селима.

— Я хочу пить. Принеси мне лимонаду.

— Сию минуту.

Он исчез в толпе, торопливый и преданный, а Лейла отошла к мраморной балюстраде, ограждавшей сад от крутого спуска к морю. Ей нужно было перевести дыхание.

Вечерний бриз усилился. Он трепал её волосы, охлаждал разгорячённую кожу. Она стояла спиной к гостям, лицом к морю, и впервые за весь день позволила себе не улыбаться. В тишине, нарушаемой только шумом волн где-то внизу, ей вдруг стало... тревожно. Беспричинно. Так бывает, когда всё слишком хорошо, а ты слишком умна, чтобы верить, что так будет всегда.

— Вас утомили танцы, Лейла-ханым?

Голос раздался так близко, что она вздрогнула. Не от испуга — от возмущения. Кто смеет подходить к ней без предупреждения, да ещё и сзади?

Она обернулась.

Кемаль Бора стоял в трёх шагах от неё. Солнце, садившееся за его спиной, очертило его фигуру тёмным силуэтом, так что лицо оставалось в тени. Только глаза поблёскивали — внимательные, насмешливые.

— Я не утомилась, — сказала она холодно. — И я не помню, чтобы нас представляли.

— Кемаль Бора, — он чуть склонил голову, и в этом жесте снова проскользнула та самая ленивая, почти невежливая грация. — Ваш отец должен был представить меня всем гостям, но, видимо, решил, что я сам справлюсь.

— Мой отец очень любезен. Возможно, слишком любезен.

Он не обиделся. Более того, усмехнулся — откровенно, широко, показав белые зубы.

— Вы сейчас пытались меня оскорбить, — сказал он с интересом, каким учёный разглядывает редкое насекомое. — Но я не уверен, что именно вы имели в виду.

— Я имела в виду, что мой отец иногда приглашает в дом людей, которых не следовало бы.

— Отлично. Теперь я понимаю. — Он кивнул, словно она сдала экзамен. — А вы, значит, считаете, что мне здесь не место.

— Я этого не говорила.

— Вам и не нужно. У вас очень выразительное лицо.

Лейла сжала пальцами мрамор балюстрады. Этот человек говорил с ней так, словно они были равны. Хуже — словно он имел право её оценивать.

— Если вы закончили, господин Бора, я вернусь к гостям.

— Конечно. — Он отступил на шаг, но не ушёл. — Только один вопрос.

Она остановилась против воли.

— Какой?

— Вы действительно любите этого юношу? Селима Назира?

Вопрос был задан так спокойно, так буднично, что Лейла сперва не поняла его дерзости. А когда поняла — внутри вскипела ярость.

— Как вы смеете?!

— Тише-тише. — Он поднял руки в примирительном жесте, но улыбка его стала шире. — Я не хотел оскорбить вашу честь. Просто любопытствую. Вы очень красивая женщина, Лейла-ханым. Красивая и, как мне показалось, умная. А этот юноша... — он сделал паузу, подбирая слово, — ...он, безусловно, очарователен. Но он похож на тонкую фарфоровую чашку. Красивую, дорогую, но абсолютно бесполезную, если нужно не пить чай, а выживать.

— Выживать? — Лейла рассмеялась, и смех её был полон презрения. — О чём вы? Мы не в пустыне. Мы в Александрии, в 1910 году, в цивилизованном обществе. Здесь не нужно выживать.

— Да? — он склонил голову набок, и теперь выражение его лица стало другим. Исчезла насмешка. Появилось что-то почти похожее на... сочувствие? — А вы читаете газеты, Лейла-ханым? Следите за новостями из провинций? Или ваше представление о мире ограничивается модными журналами и поэтическими сборниками вашего жениха?

— Я читаю газеты, — отрезала она, хотя за последний месяц пробежала глазами лишь светскую хронику. — И я не нуждаюсь в уроках политики от... — она хотела сказать «торговца», но вовремя прикусила язык. Мать была права: аристократка не опускается до прямых оскорблений.

— От торговца, — закончил он за неё. — Не бойтесь, это слово не кусается. Я действительно торговец. И знаете, что? Торговцы видят вещи такими, какие они есть. Аристократы — такими, какими они хотят их видеть. Это удобно, но опасно. Мир меняется, Лейла-ханым. Меняется быстрее, чем вы думаете. И когда эти перемены придут в вашу прекрасную Александрию, фарфоровые чашки побьются первыми.

Он замолчал. Ветер трепал его волосы, и Лейла вдруг заметила тонкую полоску шрама на его подбородке — старую, почти незаметную, но теперь, в закатном свете, проступившую.

— Зачем вы мне это говорите? — спросила она тише, чем хотела.

— Потому что мне жаль, когда красивые вещи ломаются из-за глупости их владельцев.

— Я не вещь.

— Верно. Вы намного интереснее. — Он посмотрел на неё в упор. — За этой позолотой скрывается стальной характер. Жаль, что вы тратите его только на слуг и танцевальные вечера.

Лейла открыла рот, но не нашла с ответом. Он процитировал её же мысли? Или так точно угадал? Она снова почувствовала себя раздетой под этим взглядом, и это было невыносимо.

— Вы закончили? — спросила она ледяным тоном.

— Пока да.

— Тогда прощайте, господин Бора. Постарайтесь не попадаться мне на пути.

Она повернулась и пошла обратно к гостям — с прямой спиной, с гордо поднятой головой, чувствуя его взгляд между лопаток. Ни разу не обернулась. Но у самого края площадки

всё же споткнулась о выбоину в мраморной плитке, которую знала с детства, — и услышала за спиной тихий смехок.

Она готова была убить его.

У фонтана её ждал Селим с двумя бокалами лимонада. Он сиял, ничего не подозревая.

— Где ты была? Я тебя обыскался!

— Беседовала с одним из гостей отца, — процедила она, беря бокал.

— С этим... Бора? — Селим нахмурился. — Я его видел. Мне он не понравился. Слишком... наглый.

— Он чудовище.

— Что он тебе сказал?

— Ничего важного. — Лейла взяла его под руку и заставила себя улыбнуться. — Пойдём, скоро ужин.

За ужином она сидела во главе стола, рядом с отцом. Кемаля Бора посадили далеко, среди деловых партнёров, и она не смотрела в его сторону. Но кожей чувствовала его присутствие — как чувствуют приближение грозы. Один раз она всё же бросила взгляд и встретила с его глазами. Он поднял бокал в немом тосте и едва заметно усмехнулся.

Гроза, которую предсказывали служанки, пришла к ночи. Когда гости разъезжались, первые капли уже стучали по листьям платанов. К полуночи небо над Александрией разверзлось. Молнии сверкали над морем, и гром был такой, что дрожали стёкла в окнах виллы «Эгей».

Лейла лежала в постели, но не спала. Её корсет был снят, волосы распущены, но покоя не было. Она снова и снова прокручивала в голове их разговор. «Фарфоровые чашки побьются первыми». «Стальной характер, который вы тратите на слуг». Что он о себе возомнил? Почему она вообще думает о нём?

Стук дождя стал её колыбельной только под утро.

Последнее, что она помнила перед тем, как провалиться в сон, был запах. Он шёл из сада через раскрытую форточку, смешанный с влажным воздухом.

Жасмин.

Он пах ложью — теперь она была в этом уверена.

Гроза бушевала до рассвета. Лейла то проваливалась в беспокойный сон, то выныривала из него под раскаты грома. В коротких промежутках тишины она слышала, как дождь хлещет по листьям платанов, как струйки воды бегут по мраморным водосточкам, как где-то внизу хлопает забытая ставня.

Ей снился сад. Тот же сад, что и днём, но пустой, без гостей, без музыки. Она шла по нему босиком, в том же платье цвета морской волны, и подол волочился по траве, намокая от росы. У фонтана стоял человек. Сперва ей показалось — Селим. Она побежала к нему, раскинув руки, но человек обернулся, и это был Кемаль Бора. Он смотрел на неё всё с той же невыносимой усмешкой, а в руке держал фарфоровую чашку — тонкую, расписанную золотом. «Смотрите», — сказал он и разжал пальцы. Чашка упала на мрамор и разлетелась на тысячу осколков. «Вот так», — добавил он, и Лейла проснулась.

Сердце колотилось. В комнате было душно, несмотря на распахнутое окно. Гроза ушла, но воздух оставался тяжёлым, влажным, пропитанным электричеством. Лейла села в постели, прижимая ладонь к груди, и долго смотрела в темноту.

Что за глупый сон. При чём здесь чашка? И почему ей так тревожно?

Она встала, накинула шелковый халат и подошла к окну. Ночной сад был мокрым и чёрным. Лунный свет пробивался сквозь рваные тучи, и в его мерцании мраморные статуи казались призраками. Море где-то внизу тяжело дышало, всё ещё беспокойное после бури.

И вдруг она увидела свет.

Не лунный. Не отражение звёзд. Далеко на востоке, за силуэтами портовых кранов и корабельных мачт, небо окрасилось в тусклый оранжевый цвет. Словно там, за горизонтом, что-то горело.

Лейла прищурилась. Может быть, пожар в порту? Или рыбацкие хижины горят? Такое случалось и раньше — в бедных кварталах огонь распространялся быстро. Но что-то в этом зареве было неправильное. Оно было слишком широким. Слишком... далёким.

Она постояла ещё несколько минут, всматриваясь, пока оранжевое свечение не стало бледнеть, сливаясь с предзакатной серостью. Затем пожала плечами, задёрнула штору и вернулась в постель.

«Наверное, какая-нибудь фабрика горит, — подумала она, засыпая. — Отец завтра всё расскажет».

Ей и в голову не пришло, что горит не фабрика. Что горит целая провинция. Что восстание, о котором она читала в газетах лишь мельком, между страницами светской хроники, переросло в нечто, чему ещё нет названия. Что волна огня катится к Александрии, и когда она докатится — ни вилла «Эгей», ни Селим, ни её фарфоровый мирок не устоят.

Но это всё будет завтра. Вернее, через несколько месяцев. А пока Лейла Искандер заснула — и на её губах играла лёгкая улыбка. Ей снилось, что она танцует вальс, и на этот раз партнёр не наступает ей на подол.

Следующее утро выдалось ясным, будто и не было грозы. Солнце высушило мраморные ступени, птицы вернулись в сад, и слуги, ворча, собирали сломанные ветки и упавшие цветы. Вилла «Эгей» сверкала, как умытая.

Лейла спустилась к завтраку позже обычного. В столовой уже сидел отец с газетой, мать — с чашкой кофе и озабоченным лицом. На буфете, среди серебряных кофейников, стояла ваза с белыми розами — теми, что вчера украшали стол.

— Доброе утро, — Лейла наклонилась поцеловать отца в щёку. — Что пишут в газетах?

Экрем-бей сложил газету быстрее, чем обычно, и убрал её на соседний стул. Жест не укрылся от Лейлы.

— Ничего особенного, — сказал он. — Беспорядки в восточных санджаках. Обычное дело.

— А я видела зарево ночью. Думала, порт горит.

Отец и мать переглянулись. В этом взгляде было что-то, чего Лейла не поняла. Что-то взрослое, тревожное.

— Гроза вызвала пару пожаров, — сказал Экрем-бей ровным голосом. — Всё уже потушили. Кстати, — он сменил тему слишком поспешно, — как тебе вчерашний вечер? Ты была великолепна. Селим не сводил с тебя глаз.

— Селим всегда не сводит с меня глаз, — Лейла села на своё место и налила себе апельсинового сока. — Это его основное занятие.

— И неплохое занятие, — заметила Сафие-ханым, отпивая кофе. — Молодому человеку полезно восхищаться своей невестой. Это залог счастливого брака.

— А вы с папо? — Лейла лукаво взглянула на мать. — Папа тоже восхищался вами?

— Твой отец, — Сафие-ханым чуть улыбнулась уголками губ, — восхищается мной до сих пор. Именно поэтому он согласился на твою помолвку с Селимом, хотя у того нет ни гроша за душой.

— У него есть имя, — возразила Лейла.

— Имя, — повторила мать, и в её голосе прозвучала та самая нота, которая всегда предвещала урок. — Имя, моя дорогая, не греет в холодную ночь и не кормит в голодный год. Я не против Селима. Он милый мальчик. Но я надеюсь, ты понимаешь, что жизнь — это не только стихи и вальсы.

— Мама, — Лейла отложила ложку, — ты говоришь, как господин Бора.

Сафие-ханым подняла бровь. Экрем-бей оторвал взгляд от яичницы.

— А что господин Бора? — спросил он с интересом. — Вы беседовали?

— Он имел наглость подойти ко мне без представления, — сказала Лейла. — И наговорил кучу неприятных вещей. Про фарфоровые чашки, про выживание и про то, что аристократы не видят реальности.

— Он прав, — неожиданно сказал Экрем-бей.

Лейла уставилась на отца.

— Папа!

— Я не о фарфоровых чашках, — он поднял руку, — а о реальности. Кемаль Бора — человек грубый, да. Но он умён, и он знает, что происходит в стране. Мы здесь, в Александрии, слишком оторваны от остальной империи. А там, — он кивнул куда-то в сторону окна, — там беспокойно. Очень беспокойно.

— Беспорядки в восточных санджаках, — процитировала Лейла с лёгкой иронией.

— Беспорядки, которые могут стать большой войной, — тихо сказала Сафие-ханым, глядя в свою чашку. — И тогда, Лейла, фарфоровые чашки действительно побьются. Все.

В столовой повисла тишина. Даже слуги, убиравшие со стола, замерли на мгновение.

Лейла посмотрела на мать, на отца, на сложенную газету с невидимым заголовком. Ей вдруг стало холодно, хотя солнце уже заливало комнату.

— Но ведь ничего не случится? — спросила она, и голос её прозвучал моложе, чем ей хотелось. — С нами ничего не случится?

— Конечно, нет, моя радость, — Экрем-бей улыбнулся и накрыл её руку своей ладонью — большой, тёплой, пахнувшей табаком. — Пока я жив, с тобой ничего не случится. А теперь ешь. У тебя сегодня примерка платья к официальной помолвке.

И Лейла стала есть. Но аппетит почему-то пропал.

Официальная помолвка была назначена через три недели. Селим приходил каждый день, иногда по два раза, и они гуляли по набережной, читали стихи, строили планы. Он обещал, что их дом будет самым красивым в Александрии. Она обещала, что будет счастлива. Они были похожи на детей, играющих в семейную жизнь, и оба не знали, что игра скоро кончится.

Кемаля Бора она видела ещё дважды — издали, на деловых приёмах, куда отец брал её всё чаще. Он больше не подходил к ней и не заговаривал. Но всякий раз, когда их взгляды встречались, он чуть заметно усмехался — той самой усмешкой, от которой у неё внутри всё переворачивалось. Она отвечала ему ледяным кивком и отворачивалась. Ей казалось, что она побеждает в этой безмолвной дуэли.

Ей казалось.

А в газетах тем временем писали о мобилизации. О волнениях на Балканах. О том, что империя дышит тяжело и прерывисто, как больной в лихорадке. Но Лейла не читала газет. Она выбирала цветы для помолвки — белые розы и жасмин. Тот самый жасмин, который пах ложью, но теперь она не чувствовала этого запаха.

Потому что ничто не предвещало беды. Потому что Александрия была прекрасна. Потому что мир был создан для неё.

Пока.

Глава 2. Идеальный Селим

Александрия, июнь 1910 года

За три недели до официальной помолвки Александрия расцвела так, словно пыталась доказать самой себе, что она всё ещё жемчужина империи. На набережной Корниш высадили новые пальмы; в кафе «Атлас» подали первую партию льда, привезённую из Ливана; дамы сменили весенние шляпки на летние, с более широкими полями и газовыми шарфами. Город жил, дышал, наслаждался — и старался не замечать того, о чём писали газеты на последних полосах.

Лейла Искандер в это утро сидела в плетёном кресле на веранде виллы «Эгей» и наблюдала, как садовник Мехмед подрезает розовые кусты. В одной руке она держала чашку с остывшим кофе, в другой — список гостей, составленный матерью. Список был длинным, на три страницы, исписанных мелким почерком Сафие-ханым. Лейла пробегала глазами по именам, и некоторые заставляли её морщиться.

— Тётя Фериде, — прочитала она вслух с интонацией приговора. — Придётся выдержать её расспросы о внуках, которых у неё нет, и о моём здоровье, которое, по её мнению, всегда недостаточно хорошее.

Селим, сидевший напротив с томиком Бодлера на коленях, поднял голову:

— Тётя Фериде — прекрасная женщина. Она прислала мне трогательное письмо с поздравлениями.

— Она прислала тебе письмо, потому что ты ей понравился. Она считает, что поэты — это новый вид святых. — Лейла фыркнула. — Ты не знаешь её так, как я. Она десять лет мучает моего отца вопросами, почему он не купил землю в Каире.

— Может быть, она просто заботится о семье?

— Она заботится о том, чтобы все знали, что она заботится. Это другое.

Селим улыбнулся своей рассеянной, чуть виноватой улыбкой и снова уткнулся в книгу. Лейла посмотрела на него поверх списка. Он был действительно красив сегодня: светлый льняной костюм, волосы чуть растрёпаны ветерком, длинные пальцы перелистывают страницы с той бережной нежностью, с какой обычно касаются дорогих сердцу вещей. В такие минуты она почти любила его. Нет — поправила она себя. Она любила его. Любила. Это было правильное, проверенное чувство, как любимое кресло, как знакомая с детства картина на стене. С ним было удобно. С ним было понятно.

Но иногда — очень редко, мельком — ей казалось, что чего-то не хватает. Какого-то напряжения. Какой-то искры. Она гнала от себя эти мысли: они были недостойны благовоспитанной невесты.

— Ты меня слушаешь? — спросил Селим.

— Прости. Задумалась о списке гостей.

— Я спросил: ты хотела бы поехать в Париж после свадьбы? Я подумываю о том, чтобы издать там сборник. В Александрии, конечно, есть типографии, но парижские...

— Париж — это прекрасно, — перебила она, оживляясь. — Мы остановимся в «Отель де Пари», будем гулять по Елисейским полям, и ты будешь читать мне новые стихи в Люксембургском саду.

— Именно так я и представлял, — просиял Селим. — И ещё — я хочу показать тебе Нотр-Дам. Говорят, когда орган играет на вечерней мессе, забываешь обо всём земном.

— Мне нравится земное, — сказала Лейла. — Я не уверена, что хочу о нём забывать.

— Ты просто никогда не слышала настоящего органа.

— А ты слышал?

— Один раз. В детстве, когда отец возил меня в Марсель. Я помню только звук — он был такой... — Селим замолчал, подбирая слово, но не нашёл и просто вздохнул. — Ты поймёшь, когда услышишь.

Лейла отложила список и взяла его за руку.

— Я пойму. Всё, что ты мне показываешь, я понимаю.

Это была правда, но правда частичная. Она понимала его восторги, его стихи, его рассеянность и неспособность вовремя прийти на обед. Но она не понимала — точнее, отказывалась понимать, — что Селим Назир живёт в мире, который существует только в его голове. В этом мире была поэзия, была красота, была она, Лейла, вознесённая на пьедестал. Но в этом мире не было денег, которые заканчиваются. Не было политики. Не было войны.

Их отношения напоминали изящный стеклянный шар, в котором, если встряхнуть, падает снег. Красиво. Безупречно. И совершенно не связано с тем, что творится снаружи.

После обеда, когда солнце стало не таким палящим, Лейла отправилась в город. Ей нужно было к портнихе — мадам Иветт, француженке, которая держала ателье на Рю-де-Франс, — и за новыми лентами для шляпок. Мать предлагала послать слуг, но Лейла отказалась. Ей хотелось пройтись, увидеть людей, вдохнуть воздух Александрии, который в этот час пах солью, кофе и специями.

Она взяла с собой только Фатму — для приличия, — и к двум часам пополудни они уже шагали по многолюдной улице Шериф-паши. Экипажи громыхали по мостовой, торговцы зазывали покупателей, мальчишки-разносчики сновали между прохожими с подносами, полными сладостей. Лейла щурилась от яркого солнца и чувствовала себя удивительно лёгкой. Может быть, потому что мать не видела, как она идёт без зонтика. Может быть, потому что в толпе она была не «дочь Экрема Искандера» и не «невеста Селима Назира», а просто молодая женщина, которая идёт по своим делам.

У ателье мадам Иветт выстроилась целая очередь. Лейла зашла внутрь, где пахло шёлком и духами, и её тут же окружили помощницы портнихи. Примерка заняла больше часа — мадам Иветт была перфекционисткой и перекалывала складки снова и снова, пока платье не село идеально. Когда Лейла наконец вышла на улицу, солнце уже клонилось к западу, а Фатма клевала носом на скамейке у входа.

— Просыпайся, — Лейла легонько тронула её за плечо. — Пойдём домой.

— Ох, госпожа, простите, — служанка вскочила, бормоча извинения.

— Ничего. Ты устала. Я тоже.

Они двинулись в обратный путь, но у книжной лавки «Макруз» Лейла замедлила шаг. Это была старая лавка с пыльными витринами и вывеской на трёх языках: арабском, французском и греческом. Здесь Селим покупал свои драгоценные тома. Здесь он когда-то, два года назад, впервые прочитал ей стихи Хафиза — прямо у этого порога, и прохожие оборачивались, а он не замечал никого.

Лейла улыбнулась воспоминанию и уже хотела пройти мимо, но дверь лавки открылась — и из неё вышел Кемаль Бора.

На мгновение они замерли друг напротив друга. Потом он шагнул в сторону, пропуская её, и чуть склонил голову в том самом полупоклоне, который в прошлый раз так её взбесил.

— Лейла-ханым. Какая неожиданная встреча.

— Господин Бора. — Она ответила ровно, без улыбки. — Не знала, что вы посещаете книжные лавки.

— А что, по-вашему, я должен посещать? Табачные склады и притоны?

— Я этого не говорила.

— Но подумали.

Она не стала отрицать. Он снова угадал.

Кемаль держал в руке свёрток в коричневой бумаге — судя по форме, книгу. Лейла скользнула взглядом по свёртку и не удержалась:

— И что же читает господин Бора? Учебник по коммерции?

— «Государя» Макиавелли. — Он усмехнулся, увидев её реакцию. — Вас это удивляет?

— Признаться, да.

— Потому что торговцы, по-вашему, не читают политической философии?

— Потому что я не ожидала, что вы читаете на итальянском.

— А кто сказал, что я читаю на итальянском? — он слегка приподнял свёрток. — Это французский перевод.

Лейла почувствовала, что проигрывает этот раунд. Надо было уходить, но что-то держало её на месте. То ли любопытство, то ли раздражение, то ли странное желание доказать ему, что она умнее, чем он думает.

— Макиавелли — циник, — сказала она. — Он учит, что цель оправдывает средства.

— А вы считаете, что это не так?

— Я считаю, что средства имеют значение.

— Значит, вы никогда не были в ситуации, где у вас нет выбора средств.

Она вспыхнула:

— Вы опять говорите о выживании?

— Я говорю о реальности. — Он смотрел на неё всё с тем же непроницаемым выражением, но теперь в его голосе не было насмешки. Было что-то другое. Усталость? — Послушайте, Лейла-ханым. Я не пытаюсь вас оскорбить или унижить. Я просто вижу вас насквозь, и это вас бесит. Вы привыкли, что мужчины смотрят на вас с обожанием. А я смотрю иначе. Это не значит, что я вас не ценю. Это значит, что я вижу то, чего не видят они.

— И что же вы видите? — спросила она, сама не зная, зачем.

Он помолчал. Потом сказал:

— Я вижу женщину, которая боится.

Лейла открыла рот — и закрыла. Возразить было нечего. Не потому, что он был прав. А потому, что она не была готова к такому ответу.

— Я ничего не боюсь, — сказала она наконец, но голос прозвучал тише, чем ей хотелось.

— Боитесь, — повторил он мягче. — Вы боитесь, что ваш прекрасный мир рухнет. Что Селим окажется не тем, кем вы его себе придумали. Что вы сами — не та, кем себя считаете. И вы гоните этот страх, прячете его за гордостью и колкостями. Но он никуда не уходит.

На улице было по-прежнемулюдно, но Лейла вдруг перестала замечать прохожих. Существовал только этот человек с обветренным лицом и странными, почти сочувствующими глазами. И тишина, которая висела между ними.

— Зачем вы так со мной говорите? — спросила она. — Что я вам сделала?

— Ничего. — Он пожал плечами. — Я просто не люблю, когда красивые женщины тратят себя на пустые иллюзии.

— Селим не пустая иллюзия.

— Может быть. — Он не стал спорить. — Время покажет.

И он отошёл — легко, не прощаясь, словно их разговор был не более чем случайной задержкой на пути к более важным делам. Фатма, которая всё это время стояла в стороне и делала вид, что рассматривает витрину, метнула на Лейлу вопросительный взгляд.

— Всё в порядке, — сказала Лейла, хотя внутри у неё всё кипело. — Идём.

До самого дома она не произнесла ни слова. Фатма, наученная опытом, молчала тоже.

Вечером, перед ужином, Лейла стояла перед зеркалом в своей комнате и расчёсывала волосы. Ритмичные движения гребня обычно успокаивали её, но сегодня — нет. Слова Кемалья крутились в голове, как назойливая мелодия.

«Вы боитесь, что Селим окажется не тем, кем вы его себе придумали».

Что за чушь. Она знает Селима два года. Он именно тот, кем кажется: добрый, нежный, образованный, преданный. То, что он не силен в практических вопросах, — не порок, а особенность. Для практических вопросов есть она. И её отец. И деньги её семьи.

«Я вижу женщину, которая боится».

Она не боится. Ей нечего бояться.

Она положила гребень на туалетный столик и встретила взглядом со своим отражением. Красивое лицо, чуть покрасневшие щеки, блестящие глаза. Но где-то в глубине зрачков — то, чего она не хотела видеть. Маленькая тень сомнения.

Завтра она увидит Селима. Завтра он поцелует её руку и скажет что-нибудь поэтичное. И всё снова встанет на свои места.

Должно встать.

Вечером Лейла сидела с Селимом в беседке, увитой глицинией. Солнце уже село, и небо из розового стало густо-синим. Слуги зажгли фонари вдоль аллей, и сад теперь напоминал театральную декорацию — таинственную, мерцающую, полную теней. В такие вечера Александрия казалась самым прекрасным местом на земле, и Лейла была почти готова простить городу его пыль, его зной и его надоедливых торговцев.

Селим читал ей новые стихи. Он писал их в течение недели, запершись в библиотеке своей полуразрушенной виллы, и теперь, запнувшись от волнения, достал из кармана несколько сложенных листков.

— Это ещё не закончено, — предупредил он. — Но я хочу, чтобы ты услышала.

— Я слушаю.

Он откашлялся и начал читать. Стихи были о любви, разумеется. О розе, которая растёт в пустыне. О том, что глаза возлюбленной подобны звёздам. О том, что жизнь без любви — это корабль без паруса. Всё это было красиво, мелодично, выдержано в лучших традициях османской поэзии. Лейла слушала, склонив голову, и её губы чуть заметно шевелились, повторяя особенно удачные строки.

Когда он закончил, она захлопала.

— Прекрасно. Особенно про корабль. Ты никогда не был в море по-настоящему, но описываешь его так, словно родился на палубе.

— Я был в море, — возразил Селим. — Один раз. Меня укачало.

Лейла рассмеялась. С ним было легко смеяться. В этом был его дар.

— Ты будешь читать это на помолвке?

— Если ты хочешь.

— Хочу. Пусть все услышат, какой у меня талантливый жених. — Она наклонилась к нему и поцеловала в щёку. Он покраснел — в свои двадцать четыре года он всё ещё краснел от её прикосновений. Это было трогательно.

— Лейла, — сказал он тихо, беря её за руку. — Ты ведь знаешь, что я люблю тебя?

— Знаю.

— Нет, по-настоящему люблю. Не так, как в стихах. А так, что мне страшно.

Она нахмурилась:

— Страшно? Чего?

— Потерять тебя. — Он смотрел на неё с той серьёзностью, какая бывает только у очень искренних или очень наивных людей. — Ты — единственное, что у меня есть. Вилла «Глициния» разваливается, денег почти нет, мои стихи печатают только в александрийских журналах, да и то не платят. Всё, что у меня есть ценного, — это ты. И я боюсь, что однажды ты проснёшься и поймёшь, что я тебе не подхожу.

Лейла погладила его по щеке. Его кожа была гладкой, как у юноши, несмотря на возраст.

— Ты мне подходишь, — сказала она твёрдо. — Я выбрала тебя, помнишь? Не ты меня. Я тебя.

— Да, — он улыбнулся виновато. — Ты меня.

— И я не меняю своих решений.

Она произнесла это с уверенностью, которую сама хотела чувствовать. Но где-то на доньшке сознания шевельнулась мысль: а что, если он прав? Что, если однажды она проснётся и поймёт? Нет. Не сейчас. Сейчас она была счастлива.

Они сидели в беседке, пока фонари не догорели до половины и Фатма не пришла звать Лейлу в дом. Селим поцеловал ей руку на прощание — долго, нежно, словно пилигрим, прикоснувшийся к святыне, — и ушёл по аллее, растворяясь в темноте.

Лейла смотрела ему вслед и думала о том, что завтра они увидятся снова. И послезавтра. И через год. И через десять лет. И это было правильно. Это был план.

Но планы, как известно, пишутся на бумаге. А реальность диктует свои строки.

На следующий день Лейла сопровождала мать в благотворительный госпиталь при французской миссии. Сафие-ханым занималась попечительством — раз в месяц она привозила пожертвования, навещала больных и проверяла, как расходуются средства. Лейла обычно избегала этих поездок: запах карболки вызывал у неё головную боль, а вид больных — смутное, неприятное чувство вины, в котором она не любила себе признаваться.

Но сегодня мать настояла.

— Ты скоро станешь хозяйкой собственного дома, — сказала она за завтраком тоном, не терпящим возражений. — Тебе полезно видеть, что мир состоит не только из балов и примерок.

— Я знаю, из чего состоит мир, — возразила Лейла.

— Ты знаешь теорию. А я хочу, чтобы ты увидела практику.

И вот теперь они сидели в душевной приёмной палате, куда медленно, один за другим, входили пациенты. В основном бедняки из портовых кварталов: женщины с измождёнными лицами, дети с гноящимися глазами, старики на костылях. Лейла помогала раздавать хлеб и лекарства — просто протягивала свёртки, стараясь дышать ртом, чтобы не чувствовать запаха немых тел и болезни. Ей было стыдно за свою брезгливость, но стыд не помогал её преодолеть.

В какой-то момент к ним подошла молодая женщина с младенцем на руках. Младенец плакал — тихо, безнадежно, как плачут дети, у которых уже нет сил. У женщины было лицо, изрытое оспой, и глаза, в которых застыло выражение тупого, привычного страдания.

— Хлеба, — сказала она. — И молока. У меня молоко пропало.

Лейла протянула ей свёрток и банку стужённого молока. Женщина взяла, но не ушла. Она стояла и смотрела на Лейлу — на её шелковое платье, на жемчужные серьги, на белые руки без единой мозоли.

— Вы добрая, госпожа, — сказала она вдруг. — Благослови вас Аллах.

— Спасибо, — пробормотала Лейла, чувствуя, как жар приливает к щекам.

— У вас есть дети?

— Нет. Я ещё не замужем.

— Когда будут, берегите их, — женщина прижала младенца к груди. — Сейчас такое время... страшное. Говорят, война будет. В нашем квартале уже многие уехали. А мы не можем. Некуда.

Она пошла прочь, и Лейла смотрела ей вслед, чувствуя странную пустоту в груди. «Страшное время». «Война будет». Об этом твердили газеты, об этом шептались слуги, об этом говорил Кемаль Бора. Но только сейчас, глядя на эту женщину с младенцем, Лейла вдруг ощутила это не как абстрактную новость, а как реальность. Как волну, которая катится к ним.

— Ты побледнела, — заметила Сафие-ханым. — Иди на воздух.

— Со мной всё в порядке.

— Иди.

Лейла вышла во внутренний двор госпиталя. Здесь было тихо: только старый фонтан журчал в центре, да две монахини в серых одеяниях сидели на скамейке, перебирая чётки. Она села на каменный парапет, закрыла глаза и попыталась успокоиться.

— Снова вы.

Она вздрогнула и открыла глаза.

Кемаль Бора стоял в нескольких шагах от неё. На этот раз он был в простом тёмном костюме, без галстука, с расстёгнутой верхней пуговицей рубашки. В одной руке он держал портфель, другой опирался на трость — хотя она была ему явно не нужна, скорее, как дань моде.

— Господин Бора, — она поднялась, поправляя юбку. — Вы преследуете меня?

— А вы слишком высокого мнения о своей персоне, чтобы я тратил на это время, — он усмехнулся. — Я здесь по делам. Финансирую ремонт западного крыла.

— Вы финансируете госпиталь?

— Вас это удивляет?

— Я думала, вы финансируете только табачные склады.

— Я финансирую всё, что приносит пользу, — сказал он. — Госпитали тоже приносят пользу. Правда, не мне, а этим людям. Но иногда можно делать что-то и без выгоды.

Лейла не нашлась с ответом. Она смотрела на него — на этого грубого, наглого человека, который финансировал ремонт госпиталя для бедных и читал Макиавелли на французском, — и чувствовала, как её представление о мире слегка покачивается.

— Вы были внутри? — спросил он.

— Да. Помогала матери.

— И как впечатления?

— Тяжело, — призналась она, сама не зная, почему говорит ему правду. — Там столько... страдания. Я не привыкла.

— К страданию никто не привыкает, — сказал он спокойно. — К нему можно только притерпеться. Или научиться с ним жить.

— Вы научились?

Он помолчал, глядя на фонтан.

— Да, — сказал он наконец. — У меня было время.

Она хотела спросить, что он имеет в виду. О чём он молчит. Что за шрам на его подбородке, и почему его глаза иногда становятся такими тёмными, что в них ничего нельзя прочесть. Но вместо этого спросила другое:

— Та женщина... в палате. Она сказала, что будет война. Это правда?

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

— Да, Лейла-ханым. Это правда.

— Но... здесь? В Александрии?

— В Александрии, в Каире, в Дамаске, в Стамбуле. Везде. — Он говорил без пафоса, без трагизма, просто констатировал факт. — Империя распадается по швам. Это не секрет. Те, у кого есть деньги и связи, уже пакуют чемоданы. Те, у кого нет, будут выживать. Или не будут.

— Мой отец говорит, что всё уладится.

— Ваш отец, — Кемаль чуть заметно улыбнулся, — умный человек. Но он тоже аристократ. А аристократы всегда верят, что всё уладится. Им это заменяет план действий.

Лейла опустила глаза. Она вспомнила вчерашний вечер, беседку, Селима, его стихи о розе в пустыне. «Корабль без паруса». Что, если Кемаль прав? Что, если все они — пассажиры корабля, который идёт ко дну, а они даже не замечают?

— Почему вы говорите мне всё это? — спросила она. — В прошлый раз я нагрубила вам. Я была... неприятна. Зачем вы тратите на меня слова?

Он сделал шаг ближе. Теперь между ними было не больше метра. Она чувствовала запах его табака — не сладкого, как у отца, а горького, почти дымного.

— Потому что вы мне нравитесь, — сказал он просто.

Лейла замерла.

— Нравитесь, — повторил он. — Не как красивая картинка. Не как дочь богатого отца. Вы сами. У вас есть характер. Вы злая, гордая и упрямая. Но вы живая. А живые люди сейчас на вес золота.

— Вы... — она не знала, что сказать. — Вы не имеете права.

— Права на что? На честность?

— На такие слова. Я помолвлена.

— Я знаю. — Он пожал плечами. — Я не предлагаю вам руку и сердце, успокойтесь. Я просто отвечаю на ваш вопрос. Вы спросили, зачем я с вами говорю. Я ответил.

Он взял портфель поудобнее, кивнул ей — на этот раз почти дружески — и направился к дверям госпиталя. У входа он обернулся:

— Когда начнётся война, Лейла-ханым, помните: вы сильнее, чем думаете. Это вам не стихи читать и не платья примерять. Это другое. И вы справитесь. Если захотите.

Он скрылся за дверью. А Лейла ещё долго стояла у фонтана, глядя на воду, и слова его звучали в ушах, как эхо.

К вечеру, когда они с матерью вернулись на виллу «Эгей», Лейла поднялась в свою комнату и закрыла дверь. Она села к туалетному столику, взяла гребень и начала расчёсывать волосы — медленно, размеренно, не глядя в зеркало.

«Вы мне нравитесь. Вы сами».

Она не знала, что с этим делать. Никто раньше не говорил ей таких слов. Все говорили о её красоте, о её глазах, о её изяществе. Никто не говорил о том, что она «живая». И никто не называл её «злой», даже с оттенком комплимента.

Она попыталась возмутиться. Он наглец. Он торговец. Он не имеет права. Но возмущение не приходило. Вместо него было странное, незнакомое чувство. Словно кто-то впервые увидел её настоящую — и не отвернулся.

Лейла положила гребень и наконец посмотрела в зеркало. На неё смотрела молодая женщина с блестящими глазами и чуть приоткрытыми губами. Она выглядела так, словно только что проснулась.

Может быть, так и было.

На следующее утро Лейла проснулась с ощущением, будто она забыла что-то важное. Это чувство — липкое, смутное — преследовало её с того самого разговора у фонтана. Она лежала в постели, глядя в потолок, и пыталась понять, что именно изменилось. Солнце всё так же заливало комнату. Море всё так же дышало за окном. Жасмин всё так же пах из сада — приторно, обещающе. Но что-то сместилось. Как стрелка часов, которую перевели на минуту вперёд, — незаметно, но необратимо.

— Госпожа, — в дверь заглянула Фатма, — вас ждут к завтраку. Селим-бей уже пришёл.

— Так рано? — Лейла села в постели, приглаживая волосы. — Он никогда не приходит рано.

— Говорит, ему не спалось. Сидит в саду с вашим отцом.

Лейла поспешно оделась. Селим не спал? Это было на него не похоже. Обычно он просыпался к полудню, а до того бродил по дому в халате и читал газеты вчерашнего дня. Визит в такую рань мог означать либо дурные новости, либо очередной поэтический порыв. Она надеялась на второе.

Спустившись в сад, она увидела их вдвоём: Селим и Экрем-бей сидели за плетённым столиком под старым платаном. Перед ними стоял кофе и тарелка с инжиром. Отец что-то рассказывал, а Селим слушал с тем вежливо-отсутствующим выражением лица, которое у него

всегда появлялось, когда речь заходила о делах. Увидев Лейлу, он встрепенулся и вскочил так поспешно, что едва не опрокинул чашку.

— Доброе утро, моя роза!

— Доброе, — она позволила поцеловать себя в щёку и села рядом. — Ты сегодня ранняя пташка. Что-то случилось?

— Случилось, — он заговорщицки понизил голос. — Я не мог уснуть, думая о тебе.

— И поэтому пришёл в семь утра?

— Я написал стихи. Ночью. При свечах.

Лейла переглянулась с отцом. Экрем-бей усмехнулся в усы и поднялся, отряхивая колени.

— Пойду проверю счета, — сказал он. — Оставляю вас. Молодые люди должны иногда оставаться вдвоём — приличия приличиями, а жизнь жизнью. — И он удалился по аллее, насвистывая что-то из турецких маршей.

Селим немедленно придвинулся ближе и достал из кармана сложенный листок.

— Хочешь послушать?

— Конечно.

Он начал читать. Это было стихотворение о бессоннице, о том, как ночь тянется бесконечно, когда возлюбленная далеко, о том, что луна похожа на её лицо, а звёзды — на её глаза. Лейла слушала, кивая в нужных местах, и ловила себя на том, что её мысли где-то далеко. Она смотрела на Селима — на его вдохновенное, чуть бледное от недосыпа лицо, на его тонкие пальцы, сжимающие листок, — и думала: «Он правда не знает? Не чувствует?»

— ...и в тишине, где только сердца стук, я понял: ты — мой свет, мой бог, мой друг. — Он закончил и поднял на неё сияющие глаза. — Ну? Как тебе?

— Прекрасно, — сказала она. — Особенно про луну.

— Правда? Я боялся, что сравнение вышло банальным.

— Нет, что ты. Очень... возвышенно.

Селим просиял. Он спрятал листок обратно в карман и взял её за руку. Его ладонь была тёплой и чуть влажной — от волнения, от юношеской пылкости, которую он сохранил, несмотря на свои годы.

— Знаешь, — сказал он, — я тут подумал... Может быть, нам не ждать три недели? Может, пожениться раньше?

Лейла моргнула.

— Раньше? Насколько раньше?

— Ну... — он замялся, — через неделю? Или даже через несколько дней? Я поговорил бы с отцом. Он поймёт. Мы могли бы уехать в Париж сразу после венчания, не дожидаясь осени.

— Селим, — она осторожно высвободила руку, — что за спешка? Мы планировали помолвку в июне, свадьбу в сентябре. Всё уже готово. Мама разослала приглашения.

— Я знаю, но... — он отвёл глаза, и Лейла вдруг заметила в них что-то новое. Тревогу? — Просто... идут слухи. По городу говорят разное. О войне, о том, что европейские державы вмешаются. О том, что здесь может стать небезопасно. Я подумал — лучше уехать сейчас. Пока всё спокойно.

— Спокойно? — она вспомнила зарево на горизонте, женщину с младенцем, слова Кемаля. — Разве спокойно?

— Пока да, — сказал Селим, и в его голосе прозвучала та упрямая нотка, которую Лейла раньше принимала за твёрдость. — И мы должны уехать, пока так и остаётся.

— А как же твоя мать? Твоя вилла? Твои книги?

— Мать можно взять с собой. Виллу — продать. Книги... — он запнулся. — Книги можно перевезти. Главное — ты. Главное — мы.

Лейла молчала. Она смотрела на него и впервые — впервые по-настоящему — видела не поэта, не романтика, не идеального жениха, а человека. Обычного человека, который испугался. Который готов всё бросить — дом, семью, обязательства — и бежать. С ней, да. Защищая её. Но бежать.

И она вдруг поняла: он не спрашивает её мнения. Он уже решил. Он предлагает ей бегство, но называет его свадебным путешествием.

— Селим, — сказала она медленно, — ты действительно думаешь, что начнётся война?

— Я не знаю. Но все говорят...

— Все — это кто?

— Ну, люди. В кафе. В редакции журнала. В порту.

— Ты был в порту?

Он смутился.

— Заходил вчера. Хотел узнать насчёт билетов на пароход.

— Ты хотел купить билеты, не посоветовавшись со мной?

— Я хотел сделать тебе сюрприз.

Лейла поднялась. Ей вдруг стало душно, хотя утренний бриз всё ещё охлаждал кожу. Она отошла к балюстраде и посмотрела на море — то самое море, которое вчера казалось ей вечным, неизменным, а сегодня выглядело иначе. Словно и оно чего-то ждало.

— Селим, — сказала она, не оборачиваясь, — а что будет, если война действительно начнётся? Не с нами. С теми людьми, которые не могут купить билеты на пароход. С женщиной, которая приходила в госпиталь. С её младенцем. С рыбаками, которые живут в порту. Что будет с ними?

Он помолчал. Потом ответил — осторожно, словно ступая по тонкому льду:

— Это ужасно. Но мы не можем помочь всем.

— Мы можем помочь хотя бы некоторым.

— Твой отец помогает. Твоя мать. Они жертвуют деньги, они...

— Они остаются, — перебила Лейла. — Они не бегут.

Повисла тишина. Лейла обернулась и увидела, что Селим смотрит на неё с выражением растерянности и обиды, как ребёнок, которому отказали в сладком.

— Ты считаешь, я трус? — спросил он тихо.

— Я не говорила этого.

— Но подумала.

Она вздрогнула. Эти же слова она сказала Кемалю Бора несколько дней назад. И вот теперь они вернулись к ней — но уже из уст её жениха.

— Я думаю, — сказала она, тщательно подбирая слова, — что бегство — не всегда лучшее решение. Иногда нужно остаться и... выживать. Как говорит один мой знакомый.

— Какой знакомый?

— Неважно.

Селим встал. Его лицо, обычно такое мягкое, сейчас окаменело. Он был оскорблён — не её словами, а тем, что она вообще осмелилась усомниться в его плане.

— Я думал, ты хочешь в Париж, — сказал он. — Я думал, ты мечтаешь об этом.

— Я мечтаю. Но не так. Не бегством.

— Это не бегство. Это благоразумие.

— Благоразумие — это подготовиться к худшему, а не убежать от него.

Селим покачал головой. Он был сбит с толку, и Лейла вдруг поняла: за два года их знакомства это был первый настоящий спор. Первый раз, когда она не поддакнула ему, не улыбнулась, не сказала «ты прав, мой дорогой». И он не знал, что с этим делать.

— Я пойду, — сказал он наконец. — Мы оба устали. Поговорим позже.

— Да. Позже.

Он поцеловал её руку — холодно, формально, — и ушёл. Его спина, удалявшаяся по аллее, показалась Лейле вдруг очень узкой. Хрупкой. Как фарфоровая чашка.

Вечером Лейла сидела в библиотеке — одной из тех комнат виллы «Эгей», куда она редко заходила. Библиотека была отцовским владением: высокие стеллажи с книгами на французском, турецком, арабском, большая карта империи на стене, массивный письменный стол с бронзовым чернильным прибором. Здесь пахло табаком, старой бумагой и временем.

Она пришла сюда не за книгой. Она искала отца — хотела поговорить о том, что сказал Селим. Но отца в библиотеке не было. За столом, в кресле с высокой спинкой, сидел другой человек.

— Господин Бора, — произнесла она, и на этот раз в её голосе не было ни гнева, ни раздражения. Только усталость.

Он поднял голову от бумаг.

— Ваш отец попросил меня подождать его здесь, — сказал он. — Деловая встреча. Я не врывался без спросу.

— Я не говорила, что вы врывались.

— Нет. Но ваш взгляд сказал достаточно.

Она невольно усмехнулась.

— Вы всегда читаете мысли по взглядам?

— Это часть моей работы. Торговля — это не только цифры. Это ещё и люди. А люди лгут. Взгляды — реже.

Лейла села в кресло напротив, сама не зная, зачем. Ей следовало уйти, дожидаться отца в гостиной, не оставаться наедине с этим человеком. Но что-то держало её. Может быть, то, что он был единственным, кто говорил с ней честно. Может быть, то, что с ним не нужно было притворяться.

— Вы сегодня расстроены, — сказал он, и это был не вопрос.

— С чего вы взяли?

— Вы сидите, ссутулившись. В прошлые встречи вы держали спину так, словно проглотили линейку.

Она выпрямилась — скорее рефлекторно, чем осознанно, — и тут же пожалела об этом, потому что он усмехнулся.

— Вот так-то лучше. Расскажите, что случилось?

— С чего бы мне вам рассказывать?

— Потому что больше некому. Слуги вас не поймут. Мать будет читать нотации. Отец занят. Жених — позволю себе догадку — часть проблемы.

Она отвела глаза. Он попал в точку. Снова.

— Селим хочет уехать, — сказала она тихо. — В Париж. Немедленно. Потому что боится войны.

— Разумное желание.

— Но это бегство. Он даже не думает о тех, кто останется. О моей семье. О людях, которые зависят от нас.

— А вы думаете?

— Да. — Она подняла на него глаза. — Я думаю. Вчера, после госпиталя, я много думала. О женщине с младенцем. О том, что сказали вы. О том, что мир, в котором я живу, — он... он не настоящий. А настоящий мир — он страшный, грязный, и в нём люди умирают. И я не могу просто закрыть глаза и уехать в Париж.

Кемаль молчал. Он смотрел на неё — и в его взгляде больше не было ни усмешки, ни снисхождения. Только интерес. Глубокий, пристальный интерес, какой бывает у человека, который внезапно обнаружил, что вещь, которую он считал безделушкой, оказалась драгоценностью.

— Вы меняетесь, Лейла-ханым, — сказал он. — Быстрее, чем я ожидал.

— Я не меняюсь. Я просто... начинаю видеть.

— Это и есть изменение. — Он откинулся в кресле, и кожаная обивка скрипнула. —

Позвольте дать вам совет.

— Я не просила.

— И тем не менее. Не вините Селима-бея. Он не трус. Он просто другой. Он поэт. Поэты живут в мире идей, а не вещей. Когда идеи рушатся, они бегут. Это не слабость. Это природа.

— А вы? — спросила она. — Когда идеи рушатся, что делаете вы?

— Я не поэт. — Он улыбнулся краешком рта. — Я торговец. Я не бегу. Я остаюсь и ищу выгоду.

— Вы циник.

— Да. Но циники выживают.

Она хотела возразить, но не нашла слов. Вместо этого она сказала:

— Вы говорили, что я сильнее, чем думаю. Откуда вы знаете?

— Я вижу людей. — Он пожал плечами. — Это мой талант. Вы — сильная. Вы просто ещё не знаете этого. Когда-нибудь узнаете.

— Когда?

— Когда придётся. Обычно так и бывает.

В коридоре послышались шаги — тяжёлые, уверенные. Экрем-бей возвращался. Кемаль поднялся и собрал бумаги со стола. Лейла тоже встала.

— Спасибо, — сказала она, и слово это вылетело прежде, чем она успела его остановить. Он обернулся.

— За что?

— За то, что не льстите. За то, что говорите со мной как с человеком.

— Вы и есть человек, Лейла-ханым. Странно, что вам никто об этом раньше не говорил.

И он вышел, оставив её стоять посреди библиотеки, в окружении книг и карт, с чувством, что мир снова сдвинулся — ещё на миллиметр, ещё на градус. Но теперь она знала направление.

Вечером, лёжа в постели, Лейла думала о трёх мужчинах.

Об отце, который защищал её от реальности, но не мог делать это вечно.

О Селиме, который любил её так, как умел, — но умел ли он любить по-настоящему? Не богино. Не музу. А женщину из плоти и крови?

И о Кемале Бора — человеку, который смотрел на неё иначе. Не снизу вверх, не сверху вниз. А прямо. Как равный на равную.

И она не знала, кто из них прав. И что будет дальше. И кем она сама станет, когда всё, что она знала, начнёт рушиться.

Но впервые в жизни ей было интересно узнать.

Глава 3. Человек, который не танцевал

Александрия, конец июня 1910 года

Две недели до помолвки — и весь дом Искандеров превратился в осаждённую крепость, которой командовала Сафие-ханым.

Никогда раньше Лейла не видела мать в таком состоянии. Всегда сдержанная, с безупречной осанкой и ленивой грацией женщины, привыкшей повелевать, Сафие-ханым вдруг обнаружила в себе энергию армейского генерала. Она вставала в шесть утра, лично проверяла счета от поставщиков, ругалась с флористом из-за оттенка роз («Это не персиковый, это абрикосовый, вы что, дальтоник?») и переписывала меню праздничного ужина четыре раза.

— У нас будет сто двадцать гостей, — сказала она Лейле за завтраком, зачитывая список, как военную сводку. — Из них двенадцать консулов, восемь беев, три паши и одна французская графиня, которая, видимо, заблудилась в Египте и решила заехать к нам.

— Графиня? — Лейла подняла бровь. — Откуда у нас графиня?

— Подруга мадам Иветт. Она путешествует по Востоку и собирает материал для мемуаров. Я не могла не пригласить её — она обещала упомянуть нашу семью в книге.

— Мама, мы станем персонажами французских мемуаров?

— Лучше быть персонажами мемуаров, чем никем, — отрезала Сафие-ханым. — А теперь доедай. У тебя в одиннадцать примерка, в час — визит к парикмахеру, в четыре — репетиция танцев. Твой Селим до сих пор путает право и лево в мазурке.

— Мы не танцуем мазурку на помолвке. Там будет вальс.

— Тем более. Если он наступит тебе на платье перед графиней, я этого не переживу.

Лейла улыбнулась и вернулась к своему кофе. Её забавляла материнская суета. В конце концов, это была её помолвка — её день, её триумф. И она собиралась насладиться каждым мгновением.

Но в глубине души, где-то под слоем предвкушения и радости, шевелилась тень. Она вспоминала спор с Селимом в саду. Его растерянное лицо. Его желание бежать. И свой собственный отказ.

С тех пор они виделись каждый день, но что-то между ними изменилось. Селим всё так же читал стихи, целовал ей руки и смотрел с обожанием. Но теперь Лейла замечала то, чего раньше не видела. Как быстро он меняет тему, когда речь заходит о политике. Как нервно смеётся, когда кто-то упоминает восстание. Как старательно избегает разговоров о будущем — не о свадьбе, не о Париже, а о том, что будет, если...

«Если» — это слово теперь постоянно вертелось у неё на языке, но она не произносила его вслух.

Репетиция танцев проходила в просторной гостиной с распахнутыми окнами. Приглашённый учитель, мсье Дюпон, маленький подвижный француз с седыми усами, расставлял молодых людей по местам, как шахматные фигуры. Селим, Эмине, ещё несколько кузин и кузенов, пара офицеров из консульства — все они должны были открывать бал после официального объявления помолвки.

— И раз, два, три... мадемуазель Эмине, вы снова опережаете музыку! Вы должны следовать за партнёром, а не тащить его за собой, как осла на верёвке!

Эмине фыркнула. Её партнёр, молодой секретарь британского консульства по имени Артур, покраснел до корней волос. Лейла, танцевавшая в паре с Селимом, не могла сдержать смех.

— Мсье Дюпон сегодня в ударе, — шепнула она.

— Я боюсь его, — так же шёпотом ответил Селим. — Он смотрит на мои ноги так, словно хочет ампутировать их за ненадобностью.

— Просто не считай шаги. Чувствуй музыку.

— Я пытаюсь. Но музыка меня не слушается.

Лейла сжала его руку ободряюще. Несмотря ни на что, с ним по-прежнему было тепло. Привычно. Когда они танцевали, она почти забывала о своих сомнениях.

Мсье Дюпон хлопнул в ладоши:

— Перерыв! Десять минут. Пейте лимонад, поправляйте причёски и молитесь, чтобы к балу ваши ноги вспомнили, как двигаться.

Молодёжь рассыпалась по гостиной. Эмине тут же утатила Лейлу к окну.

— Ты слышала новость? — спросила она, понижая голос.

— Какую?

— Вчера в порту задержали пароход из Салоник. Говорят, на борту были какие-то люди с оружием. Их арестовали, но это же скандал! Папа говорит, что это плохой знак. Очень плохой.

— Что ещё говорит твой папа?

— Говорит, что наша армия терпит поражения на Балканах. Что Стамбул в панике. И что некоторые семьи уже переводят деньги в швейцарские банки.

Лейла вспомнила Кемаля. «Те, у кого есть деньги и связи, уже пакует чемоданы». Значит, это правда.

— А твоя семья? — спросила она. — Вы тоже уедете?

— Папа говорит — пока нет. Но если что, у нас есть родственники в Марселе. — Эмине помолчала. — Лейла, тебе не страшно?

— Нет, — сказала Лейла, и это была не совсем ложь. — Пока мой отец здесь, мне не страшно.

Эмине кивнула, но в её глазах было сомнение.

Репетиция возобновилась. Но мысли Лейлы теперь были далеко — там, в порту, где арестовывали пароходы, и на Балканах, где гремели невидимые битвы. Её мир сужался, как кольцо вокруг пальца. Только это кольцо было не золотым, а железным.

Вечером, когда Лейла уже собиралась подняться в спальню, отец попросил её зайти в кабинет.

Экрем-бей сидел за своим массивным столом, заваленным бумагами. Перед ним стояла наполовину пустая бутылка раки и два стакана — один пустой, другой наполовину полный. Это было необычно: отец редко пил в одиночестве.

— Садись, моя радость, — сказал он, и Лейла заметила, как устало звучит его голос. — Нам нужно поговорить.

Она села в кресло напротив. Сердце забилось быстрее.

— Что-то случилось?

— Пока нет. Но может случиться. — Экрем-бей отпил раки и поморщился. — Я только что с совещания у губернатора. Положение серьёзное. Восстание перекинулось на западные провинции. Британцы, — он выделил это слово с особой горечью, — обещают поддержку, но на своих условиях. Султан колеблется. А в столице уже начались аресты оппозиции.

Лейла слушала, и внутри у неё всё сжималось.

— Нам нужно уезжать? — спросила она.

Экрем-бей посмотрел на неё долгим взглядом.

— Я не уеду, — сказал он. — Это моя земля. Мой дом. Мой табак, в конце концов. Я строил это тридцать лет, и я не отдам это ни повстанцам, ни европейцам.

— Но...

— Но ты, — перебил он мягко, — ты можешь уехать. И, возможно, должна.

Лейла замерла.

— Ты хочешь, чтобы я уехала?

— Я хочу, чтобы ты была в безопасности. Селим предлагал уехать в Париж. Это разумный план. Вы поженились — можно ускорить церемонию, — сядете на пароход и будете далеко отсюда. Твоя мать тоже могла бы поехать с вами.

— А ты?

— Я останусь. Присмотрю за делами. Когда всё успокоится, вернётесь.

— А если не успокоится?

Экрем-бей не ответил. Он смотрел в свой стакан, и Лейла вдруг увидела то, чего не замечала раньше: её отец постарел. Не за эти недели — за эти дни. Под глазами залегли тени, на висках прибавилось седины. Груз забот, который он так долго нёс, стал видимым.

— Папа, — она наклонилась и взяла его руку, — я не уеду.

— Лейла...

— Нет. Я останусь с тобой. С мамой. С нашим домом. Это моя жизнь. И я не побегу от неё.

— Ты похожа на меня, — сказал он, и в его голосе прозвучала смесь гордости и печали.
— Упрямая до безрассудства.

— Я научилась у тебя.

Он улыбнулся — впервые за весь разговор.

— Тогда у меня к тебе ещё одна просьба. Не говори пока матери. И Селиму тоже. Пусть помолвка пройдёт так, как мы задумали. Твоя мать вложила в неё всю душу. И, честно говоря, — он глотнул раки, — я тоже хочу увидеть, как моя дочь танцует в платье цвета морской волны.

— Оно уже трижды перешито, — улыбнулась Лейла. — Но я обещаю, оно того стоит.

Она обняла отца — крепко, как не обнимала с детства. От него пахло табаком, раки и одеколоном. Запах дома. Запах детства. Запах мира, который она поклялась защищать — даже если сама не знала как.

На следующий день Лейла снова оказалась в городе — на этот раз с Эмине. Им нужно было забрать заказанные перчатки для помолвки, и кузина уговорила её заодно зайти в кондитерскую «У Фарука», которая славилась фисташковой пахлавой.

— Я нервничаю, — призналась Эмине, когда они сидели за мраморным столиком в глубине прохладного зала. — Перед такими приёмами у меня всегда трясутся руки. А тут ещё и эта политика...

— Просто думай о чём-нибудь приятном, — посоветовала Лейла. — О танцах. О шампанском. О том молодом секретаре, который краснеет каждый раз, когда ты на него смотришь.

— Артур? — Эмине покраснела сама. — Он просто вежливый.

— Вежливые не роняют чашки, когда ты проходишь мимо.

Эмине хихикнула и спрятала лицо за чашкой чая. В такие минуты Лейла почти забывала о своём беспокойстве. Жизнь продолжалась. Девушки смеялись, офицеры краснели, пахлава таяла во рту. Мир пока держался.

Но когда они вышли из кондитерской, он напомнил о себе.

По улице бежал мальчишка-газетчик с пачкой свежих номеров. Он выкрикивал заголовки на арабском и французском, и в его голосе звенело то особое возбуждение, с каким разносят только дурные вести.

— Экстренный выпуск! Волнения в дельте! Армейские части стягиваются к Александрии! Губернатор обещает порядок!

Лейла остановилась. Люди вокруг тоже замедляли шаг, оборачивались, покупали газеты.

— Давай купим, — сказала Эмине.

— Не надо.

— Но...

— Не надо, — повторила Лейла твёрдо. — Мы всё узнаем от отцов.

Она взяла кузину под руку и повела дальше по улице, не оглядываясь. Но газетный заголовок уже врезался в память: «Армейские части стягиваются к Александрии». Значит, война подходит ближе. Значит, времени меньше, чем она думала.

И значит — отец знает больше, чем сказал ей вчера.

Вечером, когда жара спала и с моря потянуло прохладой, Лейла сидела в беседке одна. Селим прислал записку, что задерживается — срочные дела в редакции журнала, — и она была этому почти рада. Ей нужно было подумать.

Она смотрела на сад, на платаны, на мерцающие фонари, и пыталась представить, как всё это будет выглядеть через месяц. Через полгода. Будет ли вилла «Эгей» всё так же стоять на холме над морем? Будут ли слуги всё так же подавать кофе на веранду? Будет ли она сама здесь — или окажется где-нибудь в Марселе, в Париже, в безопасности, но без дома?

«Я не уеду», — сказала она отцу. Но имела ли она право оставаться? Имела ли право подвергать опасности себя, свою будущую семью? А если Селим настоит на бегстве? Что тогда?

Вопросы множились, как отражения в зеркальном лабиринте, и ни на один не было ответа.

— Я так и думал, что найду вас здесь.

Она не вздрогнула. Она уже привыкла к его внезапным появлениям.

Кемаль Бора вошёл в беседку и, не спрашивая разрешения, сел напротив. Сегодня он был без пиджака, в одной рубашке с закатанными рукавами, и Лейла заметила, какие у него сильные руки. Руки человека, который привык работать, а не только подписывать бумаги.

— Вы снова здесь, — сказала она. — Мой отец опять пригласил вас?

— На этот раз нет. Я сам.

— Без приглашения?

— Я рискнул. — Он достал из кармана сложенную газету и положил на стол. — Вы читали?

— Нет.

— Прочтите.

Она развернула газету. Это был вечерний выпуск «Александрийского вестника». На первой полосе крупным шрифтом: «БЕСПОРЯДКИ В ДЕЛЬТЕ: ДЕСЯТКИ ЖЕРТВ. ГУБЕРНАТОР ОБЕЩАЕТ НАВЕСТИ ПОРЯДОК. БРИТАНСКАЯ ЭСКАДРА ЗАМЕЧЕНА В ПРИБРЕЖНЫХ ВОДАХ».

— Британская эскадра, — прочитала она вслух.

— Хуже, — сказал Кемаль. — Британцы не просто замечены. Их уже вызвали. Губернатор попросил защиты для иностранных граждан. Это означает одно: правительство не контролирует ситуацию.

— Мой отец говорил, что положение серьёзное, но не настолько.

— Ваш отец не хочет вас пугать. Но я считаю — лучше знать правду.

Лейла отложила газету. Её руки не дрожали — она гордилась этим.

— Почему вы говорите мне это? Вы могли бы сказать моему отцу.

— Я скажу. Но сначала вам.

— Почему?

Кемаль помолчал.

— Потому что вы — единственная в этом доме, кто готов слушать правду. Ваша мать слишком занята подготовкой помолвки. Ваш отец слишком занят спасением бизнеса. Ваш жених слишком занят спасением себя. А вы... — он посмотрел на неё пристально, — вы ещё не решили, что делать. Но вы хотя бы думаете. Это больше, чем делают остальные.

Лейла опустила глаза. Ей было странно слышать это от него. От человека, которого она считала врагом. Или, по крайней мере, чужаком.

— Что вы предлагаете? — спросила она. — Бежать?

— Я ничего не предлагаю. Я просто говорю: будьте готовы. К чему угодно. К тому, что помолвка сорвётся. К тому, что пароходы перестанут ходить. К тому, что вам придётся принимать решения, к которым вы не готовы. — Он наклонился чуть вперёд. — И ещё — не полагайтесь на Селима.

— Почему? — она подняла глаза.

— Потому что он уже мысленно в Париже. А когда человек мысленно не здесь, его тело последует за мыслями рано или поздно.

— Он мой жених, — сказала Лейла холодно. — Я не позволю вам говорить о нём плохо.

— Я говорю не плохо. Я говорю правду. А правда — не плохая и не хорошая. Она просто есть. — Кемаль встал. — Я ухожу. Простите за вторжение.

— Пойдите, — сказала она.

Он обернулся.

— Если вы правы, — медленно произнесла Лейла, — и всё действительно так серьёзно... Что будете делать вы? Уедете? Останетесь?

Он улыбнулся своей кривой усмешкой.

— Я же торговец, Лейла-ханым. А война — это время возможностей. Глупо уезжать, когда можно заработать.

— А если вас убьют?

— Не убьют. Я живучий. — Он помолчал. — Но если что — у меня нет ни жены, ни детей, ни родственников, которые будут плакать. Так что убыток небольшой.

— Это неправда, — сказала она. — У вас есть знакомые. Партнёры. Люди, которые от вас зависят.

— Это бизнес. Не любовь.

— А вы вообще верите в любовь?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. В его тёмных глазах отражались фонари сада.

— Верил, — сказал он наконец. — Когда-то. Давно. — Он сунул руки в карманы и повернулся к выходу из беседки. — Спокойной ночи, Лейла-ханым. Постарайтесь выспаться. На балу вам понадобятся силы.

— Вы придёте на бал?

Он остановился, не оборачиваясь.

— А вы хотите, чтобы я пришёл?

Она не ответила. Да и не нужно было.

— Я приду, — сказал он. — В конце концов, я обещал вашему отцу. А я всегда выполняю обещания.

И он ушёл — в темноту сада, в прохладу ночи, оставив её с газетой в руках и вопросами, на которые не было ответов.

Утро началось с крика.

Лейла проснулась оттого, что где-то внизу, в кухне, что-то разбилось — судя по звуку, большая фарфоровая миска, — и женский голос запричитал на повышенных тонах. Через минуту к нему присоединился второй, затем третий. Лейла села в постели, протирая глаза. Такого в доме Искандеров не случалось никогда: слуги были вышколены до бесшумности, и любая ссора на кухне каралась увольнением.

Она накинула халат и вышла в коридор. У лестницы уже стояла мать — в пеньюаре, с распущенными волосами, что само по себе было знаком чрезвычайного происшествия: Сафие-ханым никогда не покидала спальню, не приведя себя в порядок.

— Что случилось?

— Ничего, — сказала мать слишком быстро. — Просто недоразумение. Фатма уронила поднос.

— Фатма не роняет подносы. Она служит у нас пятнадцать лет.

Сафие-ханым помолчала, поджав губы.

— Повариха говорит, что её сын вчера не вернулся из порта. Мальчишка-разносчик. Ему четырнадцать. Она хочет идти искать его.

— Так пусть идёт.

— Я ей сказала то же самое. Но она боится. Говорит, в городе беспокойно, солдаты на улицах, арестовывают всех подряд.

— Арестовывают разносчиков? — Лейла нахмурилась. — Зачем?

— Не знаю. — Мать прижала ладонь к виску. — У меня мигрень. Всё это так некстати. За три дня до помолвки...

Лейла спустилась в кухню. Там царил хаос. Повариха, пожилая гречанка по имени Элени, сидела на табурете и раскачивалась, причитая. Вокруг неё суетились служанки. На полу действительно лежали осколки большой синей миски. Увидев молодую госпожу, все замерли.

— Элени, — Лейла присела перед ней на корточки, не заботясь о том, что подол халата касается грязного пола. — Расскажи мне.

— Сынок мой, — всхлипнула повариха. — Нико. Ушёл вчера утром с рыбой, как всегда. Должен был вернуться к вечеру. Не вернулся. Муж пошёл в порт — там оцепление. Солдаты не пускают. Говорят, кого-то ищут. Арестовывают всех, у кого нет документов. А у Нико нет документов, он же мальчик...

— Почему ты не сказала моему отцу? Он может связаться с начальником порта.

— Господин Экрем уехал затемно. Его вызвали к губернатору.

Лейла выпрямилась. Отец уехал. Войска в порту. Британская эскадра на рейде. И мальчик-разносчик, пропавший в этом водовороте.

— Я поговорю с отцом, как только он вернётся, — сказала она. — А пока оставайтесь дома. Никто не выходит в город без крайней необходимости. Это приказ.

Слуги переглянулись. Молодая госпожа никогда раньше не отдавала приказов. Но что-то в её голосе заставило их подчиниться.

Селим пришёл после полудня, как обычно. Он принёс букет белых роз — уже третий за неделю, — и новый сонет, и улыбку, которая показалась Лейле слишком беззаботной для этого дня.

— Ты слышал, что творится в городе? — спросила она, когда они устроились в гостиной.

— Слышал что-то, — он неопределённо пожал плечами. — Солдаты, оцепления. Газеты опять пугают. Но знаешь, они каждый месяц что-нибудь придумывают, чтобы увеличить продажи.

— На этот раз не придумывают. Мой отец уехал к губернатору. В порту аресты. Поварихин сын пропал.

Селим нахмурился. Его красивое лицо, созданное для выражения возвышенных чувств, теперь отражало растерянность.

— Мне жаль мальчика. Но, Лейла, это не должно нас останавливать. Мы не можем отвечать за всех.

— Я не говорю — отвечать. Я говорю — замечать. Видеть, что происходит.

— Я вижу. — Он взял её руку. — И именно поэтому я считаю, что нам нужно уехать как можно скорее. Сразу после помолвки. Или даже...

— Снова? — она высвободила руку. — Мы уже говорили об этом. Я не уеду.

— Лейла, послушай...

— Нет, это ты послушай. — Она встала. — Мой отец остаётся. Моя мать остаётся. Наши слуги, люди, которые работают на наших плантациях, — они все остаются. И ты хочешь, чтобы я просто села на пароход и уплыла?

— Я хочу, чтобы ты была в безопасности!

— А я хочу, чтобы ты иногда думал о ком-то, кроме меня и себя!

Слова вырвались прежде, чем она успела их остановить. Они повисли в воздухе, как осколки той самой синей миски — острые и неожиданные.

Селим побледнел. Он смотрел на неё так, словно она ударила его.

— Ты считаешь меня эгоистом?

— Я... — она запнулась. — Я не это имела в виду.

— Нет, ты именно это имела в виду. — Он встал. Его голос дрожал, но не от гнева — от боли. — Ты думаешь, что я трус. Ты думаешь, что я думаю только о себе. Но я думаю о тебе. О нас. О нашем будущем. И если это будущее возможно только там, а не здесь, — значит, так тому и быть.

— А что, если будущего вообще нет? — тихо спросила Лейла. — Что, если его не будет ни здесь, ни там? Что тогда?

Он не ответил. Он стоял перед ней — красивый, растерянный, со своими белыми розами и нежными стихами, — и она вдруг поняла: он не знает ответа. Он никогда не думал об этом. Его мир был устроен просто: есть любовь, есть поэзия, есть она, Лейла. Война, политика, аресты, пропавшие мальчики — всего этого не было в его системе координат.

— Я пойду, — сказал он наконец. — Нам обоим нужно успокоиться.

— Да, — согласилась она. — Иди.

Он ушёл, забыв на столике свой сонет. Лейла взяла листок, пробежала глазами по строчкам. «Ты — свет в окне, ты — музыка во тьме, ты — всё, что есть прекрасного во мне». Красиво. Безупречно. И так же далеко от реальности, как луна от земли.

Она аккуратно сложила листок и спрятала в карман платья. Не из сентиментальности. А потому что не знала, что ещё с ним делать.

К вечеру вернулся отец. Он выглядел измученным и постаревшим ещё на несколько лет. Не став переодеваться, он сразу прошёл в кабинет и попросил позвать жену и дочь.

— Положение хуже, чем мы думали, — сказал он, когда они собрались. Голос его звучал глухо, как из-под земли. — Губернатор объявил чрезвычайное положение. В город вводят дополнительные войска. Британцы высадили десант для охраны консульства. В порту — оцепление, ищут повстанцев.

— Повстанцы в Александрии? — Сафие-ханым прижала руки к груди. — Этого не может быть.

— Может. Вчера ночью была перестрелка в портовом квартале. Есть убитые. — Экрем-бей потёр переносицу. — Губернатор советует всем, у кого есть возможность, временно покинуть город.

— Но помолвка... — начала Сафие-ханым.

— Помолвка состоится, — перебил он твёрдо. — Через три дня. Мы не покажем страха. Если мы отменим — это будет сигналом для всех, что Искандеры сдаются. Этого не будет.

— А как же мальчик? — спросила Лейла. — Сын Элени. Он пропал в порту.

Экрем-бей посмотрел на неё с удивлением и, как ей показалось, с чем-то похожим на гордость.

— Ты знаешь про мальчика?

— Я была на кухне утром.

— Я узнаю о нём, — пообещал он. — У меня есть кое-какие связи в портовой страже. Завтра.

— Спасибо, папа.

Он кивнул и снова потёр переносицу. Этот жест Лейла видела у него с детства — он всегда означал, что дела плохи, но он не хочет пугать домашних.

— Ещё кое-что, — добавил он. — Завтра вечером у нас будет гость. Я пригласил Кемаля Бора на ужин.

Лейла замерла. Сафие-ханым удивлённо подняла бровь.

— Накануне помолвки?

— У нас с ним незаконченные дела. Нужно обсудить кое-какие контракты до того, как ситуация ухудшится. Кроме того... — Экрем-бей запнулся, — ...он предложил помощь с охраной виллы. У него есть люди, бывшие военные. Думаю, это не помешает.

— Охрана? — Сафие-ханым побледнела. — Ты думаешь, нам угрожает опасность?

— Нет. Но предосторожность никогда не лишняя.

Лейла молчала. Значит, Кемаль снова будет здесь. Будет сидеть за их столом, разговаривать с её отцом, ловить её взгляды. И она не знала, что чувствует по этому поводу. Тревогу? Раздражение? Или — и в этом она боялась признаться себе, — странное, болезненное любопытство?

На следующий день с утра за Лейлой заехала Эмине. Кузина была в состоянии, близком к истерике: её мать, тётя Фериде, решила, что помолвку нужно немедленно отменить и всей семьёй уезжать в Марсель.

— Она уже собрала чемоданы! — рассказывала Эмине, пока они сидели в саду. — Представляешь? Три чемодана! И требует, чтобы мы выехали послезавтра, прямо в день вашей помолвки.

— Она не может так поступить! Это же наш день!

— Она говорит, что жизнь дороже приличий. — Эмине всхлипнула. — И папа с ней согласен. Он сказал, что если губернатор объявил чрезвычайное положение, то дальше будет только хуже.

Лейла взяла кузину за руки.

— Послушай. Если вам нужно уехать — уезжайте. Я пойму. Мы все поймём.

— Но я не хочу уезжать! Я хочу быть на твоей помолвке! Танцевать! Пить шампанское! Флиртовать с Артуром!

Лейла невольно улыбнулась.

— Артур, значит? Уже Артур, а не «этот молодой секретарь»?

Эмине покраснела и шмыгнула носом.

— Он вчера проводил меня до дома. После репетиции. И сказал, что я самая красивая девушка, которую он видел в Александрии.

— И что ты ответила?

— Ничего. Убежала.

Они обе рассмеялись. Смех был нервным, почти истеричным — но это был смех. На несколько минут они снова стали просто девушками, которые обсуждают поклонников и платья. Война, солдаты, оцепления — всё отступило на задний план.

Но потом Эмине уехала, и Лейла осталась одна в опустевшем саду. Она смотрела на море — серое, беспокойное, — и думала о том, что послезавтрашний день решит многое. Если помолвка пройдёт успешно, это будет означать, что жизнь продолжается. Что Искандеры не сдаются. Что мир, который она знала, ещё можно удержать.

А если нет...

Она запретила себе думать об этом.

Вечером в доме снова был Кемаль Бора.

На этот раз он явился не в деловом костюме, а в тёмном, безупречно сшитом вечернем сюртуке. Лейла заметила это сразу: раньше его одежда сидела на нём как-то чужеродно, словно он одалживал её у более цивилизованного брата. Теперь всё было иначе. Он выглядел как человек, который привык носить сюртук, — и это его преобразование почему-то встревожило её больше, чем любые новости из порта.

Ужин проходил в малой столовой — семейной, не парадной. Кроме Лейлы, её родителей и Кемалья, никого не было. Разговор сперва крутился вокруг погоды, нового сорта табака, доставленного с плантаций, и предстоящей помолвки. Кемаль держался безупречно: был веж-

лив, немногословен, говорил комплименты Сафие-ханым и ни разу не посмотрел на Лейлу тем самым взглядом, который её так бесил. Она могла бы принять это за хороший знак, если бы не знала его лучше.

За десертом — фисташковым кремом, который Элени приготовила, несмотря на всё, — разговор повернулся к политике.

— Что вы думаете о британцах? — спросил Экрем-бей. — Они действительно готовы вмешаться?

— Они уже вмешались, — сказал Кемаль, откладывая ложку. — Десант в порту — это только начало. Мои источники в Стамбуле говорят, что султан ведёт переговоры о военной помощи. Если соглашение подпишут, британские войска войдут в Александрию официально.

— И что тогда?

— Тогда начнётся резня. — Кемаль произнёс это буднично, словно обсуждал цены на зерно. — Повстанцы не примут иностранного вмешательства. Начнутся уличные бои. Город будет поделён на зоны. Кто успеет уехать — уедет. Кто не успеет — будет выживать.

Сафие-ханым побледнела. Лейла положила ладонь поверх материнской руки.

— Вы всегда так прямолинейны? — спросила Сафие-ханым ледяным тоном.

— Простите, ханым. Я привык говорить как есть. Моя профессия не располагает к эвфемизмам.

— Я ценю честность, — сказал Экрем-бей. — Мы уже обсуждали с дочерью возможность отъезда. Она отказалась.

Кемаль впервые за вечер посмотрел на Лейлу — прямо, без усмешки.

— Я знаю, — сказал он. — Это смелое решение.

— Или глупое, — заметила Сафие-ханым.

— Или глупое, — согласился Кемаль, и уголок его рта дрогнул в намёке на улыбку. —

Но смелость и глупость часто ходят парой.

— Вы считаете меня глупой? — спросила Лейла, выдерживая его взгляд.

— Я считаю вас неопытной. Это не одно и то же. Глупость — это неспособность учиться.

А вы, — он помолчал, — учитесь быстро.

По столу пробежала странная искра. Экрем-бей кашлянул. Сафие-ханым поджала губы. Лейла опустила глаза, чувствуя, как жар приливает к щекам.

— Так или иначе, — продолжил Кемаль, — я предложил вашему отцу помощь. У меня есть люди — бывшие солдаты, в основном. Они могут охранять виллу, если начнутся беспорядки. И склад в порту, где можно хранить ценности и провизию.

— Вы очень предусмотрительны, — заметила Сафие-ханым.

— Я торговец. Предусмотрительность — моя работа.

После ужина мужчины удалились в кабинет для разговора о делах. Лейла помогла матери подняться в спальню — Сафие-ханым сослалась на мигрень, но на самом деле, кажется, просто не хотела больше слушать разговоры о войне.

Оставшись одна, Лейла вышла на веранду. Ночь была душной и беззвёздной. Где-то вдалеке, над портом, снова виднелось зарево — не такое яркое, как в прошлый раз, но всё равно тревожное.

— Опять не спится?

Она обернулась. Кемаль стоял в дверях веранды. Значит, разговор с отцом закончился.

— Вы тоже не спите.

— Я редко сплю. Привычка. На войне, говорят, вообще не спят.

— Вы были на войне?

— Был. — Он подошёл ближе и встал рядом, опираясь на балюстраду. — Давно. Не здесь.

— Расскажите?

— Нет. — Он покачал головой. — Такие истории не для девичьих ушей.

— Но я же должна учиться. Вы сами сказали — я учусь быстро.

Он усмехнулся — на этот раз без ехидства.

— Учиться можно по-разному. Война — не лучший учебник.

Они стояли молча, глядя на далёкое зарево. Лейла чувствовала его присутствие рядом — физическое, плотное, — и это не раздражало её, как раньше. Странно, но сейчас, когда мир качался под ногами, этот грубый, прямой, циничный человек казался ей едва ли не самой надёжной вещью в округе.

— Вы завтра придёте? — спросила она. — На помолвку?

— Приду. Я обещал вашему отцу.

— Я спрашиваю не об отце. Вы сами хотите прийти?

Он повернул голову и посмотрел на неё. В темноте его глаза казались совсем чёрными.

— Да, — сказал он. — Хочу.

— Почему?

— Потому что я хочу увидеть, как вы будете танцевать.

— Вы же не танцуете.

— Я и не говорил, что буду танцевать. Я сказал — хочу увидеть, как танцуете вы. —

Он помолчал. — И ещё я хочу увидеть, как вы будете смотреть на своего жениха. Это многое мне скажет.

— Что именно?

— Не знаю пока. Увижу — пойму.

Она хотела спросить что-то ещё, но он уже отодвинулся от балюстрады.

— Спокойной ночи, Лейла-ханым. Завтра у вас трудный день. Я советую выспаться.

— Вы всегда даёте советы, которых не просят.

— Это часть моего обаяния. — Он поклонился — на этот раз почти изящно, — и ушёл.

А Лейла ещё долго стояла на веранде, глядя в темноту, и думала о том, что завтрашний день изменит её жизнь. Так или иначе.

Утро дня помолвки выдалось таким ослепительно-солнечным, словно сама природа решила притвориться, что ничего не происходит. Море сияло, как начищенное серебро, пальмы на набережной не шевелили ни единым листом, и даже вездесущая александрийская пыль, казалось, притаилась, уступив место хрустальной прозрачности воздуха. Лейла стояла у окна своей спальни и думала о том, что этот день она запомнит навсегда.

Она ошибалась. Она запомнит его — но совсем не по той причине, по которой надеялась.

Фатма, ставшая за эти недели почти подругой, колдовала над её причёской с самого рассвета. Тяжёлые иссиня-чёрные волосы были уложены в сложную конструкцию из кос и локонов, украшенную ниткой жемчуга — подарком отца. Платье цвета морской волны, перешитое мадам Иветт в четвёртый раз, наконец сидело идеально: оно струилось по фигуре, как вода, переливалось при каждом движении и делало Лейлу похожей на нимфу из старинных легенд. Когда она спустилась в гостиную, где её ждала мать, Сафие-ханым не смогла сдержать слёз.

— Ты прекрасна, — сказала она, поправляя складку на плече дочери. — Твой отец будет гордиться.

— А ты? — спросила Лейла.

— Я уже горжусь. — Сафие-ханым помолчала, потом добавила тише: — Что бы ни случилось сегодня, помни: ты — Искандер. А Искандеры не сгибаются.

Это было странное напутствие. Лейла хотела переспросить, но мать уже отвернулась к зеркалу, проверяя собственную причёску.

К полудню вилла «Эгей» снова расцвела. В саду расставили столы с белоснежными скатертями, оркестр занял место на галерее, и первые гости уже прогуливались по аллеям, сверкая драгоценностями и орденами. Французская графиня — та самая, что собирала материал для мемуаров, — прибыла в шляпе с перьями, которые трепетали при каждом шаге, и тут же

начала что-то записывать в крошечный блокнот. Офицеры британского консульства держались особняком, о чём-то негромко переговариваясь. Дамы осматривали наряды друг друга с той особенной любезной хищностью, которая присуща только светским мероприятиям.

Селим прибыл чуть позже. Он был бледен и заметно нервничал, но при виде Лейлы его лицо осветилось тем самым обожанием, которое когда-то казалось ей достаточным для счастья. Теперь же, глядя на него, она чувствовала странную смесь нежности и тревоги — как мать, которая любит своего ребёнка, но знает, что тот не готов к взрослой жизни.

— Ты — как море, — сказал он, целуя её руку. — Такая же глубокая и непостижимая.

— Море бывает опасным, — ответила она, улыбаясь краешком губ.

— Я готов утонуть.

«А я не хочу, чтобы ты тонул, — подумала она. — Я хочу, чтобы ты научился плавать».

Но вслух сказала другое:

— Пойдём. Гости ждут.

Официальная церемония была краткой. Экрем-бей произнёс речь — спокойную, сдержанную, в которой ни словом не упомянул ни о политике, ни об оцеплениях в порту. Селим ответил стихами, разумеется, и гости заплодировали. Обменялись кольцами — изящными, старинной работы, принадлежавшими ещё бабушке Селима. Лейла смотрела на тонкий золотой ободок на своём пальце и думала о том, что это кольцо — обещание. Обещание быть вместе, что бы ни случилось. Но выполнит ли она это обещание? Выполнит ли его Селим?

Начались танцы. Первый вальс принадлежал жениху и невесте, и Селим, к его чести, не опозорился: он двигался почти уверенно, ни разу не наступил ей на ногу и даже умудрился вести её в такт музыке. Лейла кружилась, и платье её струилось, и гости смотрели на них с восхищением, но внутри у неё было странное чувство отстранённости. Словно она наблюдала за собой со стороны. Словно эта красивая девушка в платье цвета моря — не совсем она.

— Ты счастлива? — шепнул Селим ей на ухо.

— Да, — ответила она, потому что так было положено.

И это была не совсем ложь. Она была счастлива — так, как бывает счастлив человек, который получил то, чего хотел, но вдруг понял, что хотел он не совсем этого.

Второй вальс она танцевала с отцом. Экрем-бей, несмотря на усталость и седину, двигался великолепно — с той лёгкой, чуть старомодной грацией, которая выдавала в нём человека, учившегося танцам ещё при старом султани.

— Ты хорошо держишься, — сказал он. — Я горжусь тобой.

— Я научилась у тебя.

— Нет, моя радость. — Он чуть сжал её руку. — Я научил тебя танцевать. А держаться ты научилась сама. Это другое.

— Папа, — она запнулась, — ты правда думаешь, что всё будет хорошо?

— Я думаю, что мы сделаем всё, чтобы так было. — Он помолчал, всматриваясь в её лицо. — Ты уже знаешь, что Селим хочет уехать?

— Знаю.

— И что ты решила?

— Я не поеду. Пока ты здесь, я тоже здесь.

Экрем-бей вздохнул. Что-то в его взгляде мелькнуло — то ли облегчение, то ли печаль, то ли и то и другое вместе.

— Ты — моя дочь, — сказал он. — Моя настоящая дочь.

Музыка смолкла. Гости захлопали. Лейла отошла к столу с напитками и взяла бокал шампанского. Она чувствовала на себе взгляды — восхищённые, завистливые, оценивающие, — и все они были привычны. Но один взгляд выделялся из толпы. Он был пристальным, спокойным и совершенно непроницаемым.

Кемаль Бора стоял в тени колоннады, как и обещал. Он был в том же безупречном вечернем костюме и держал в руке бокал, к которому, казалось, не притронулся. Когда их глаза встретились, он чуть приподнял бокал в немом тосте — как в тот раз, на первом приёме. Но теперь Лейла не отвела взгляд. Она смотрела на него — и чувствовала, как внутри закипает странное, необъяснимое желание подойти. Спросить что-то. Услышать его голос.

Она не подошла. Не сейчас. Но он, казалось, понял её мысли, потому что уголок его рта дрогнул в знакомой полуулыбке.

Третий танец должен был стать её танцем с кузеном, но кузен куда-то запропастился, и Лейла на мгновение осталась одна у края площадки. Этого мгновения хватило, чтобы рядом материализовался Кемаль.

— Вы танцуете? — спросил он.

— Я думала, вы не танцуете.

— Я сказал, что хочу увидеть, как танцуете вы. Но, возможно, я передумал.

— Вы всегда так легко передумываете?

— Только когда дело касается красивых женщин.

Он протянул руку. Лейла секунду колебалась — приличия, сплетни, мать будет недовольна, Селим расстроится, — но потом вложила свою ладонь в его.

Оркестр играл вальс — медленный, тягучий, не совсем бальный. Кемаль танцевал совсем не так, как Селим. Его движения были скупыми, почти экономными, но в них чувствовалась скрытая сила и уверенность. Он не пытался впечатлить её, не пытался быть изящным. Он просто вёл — и Лейла, привыкшая сама управлять каждым своим шагом, вдруг с удивлением обнаружила, что подчиняться ему легко. Даже приятно.

— Вы хорошо танцуете, — сказала она.

— Вы ожидали, что я буду наступать вам на ноги?

— Если честно — да.

— Я многому научился за свою жизнь. Танцы были частью образования.

— Торгового образования?

— Образования выживания. — Он чуть притянул её ближе, и Лейла почувствовала тепло его руки на своей талии. — В определённых кругах умение танцевать открывает двери не хуже, чем умение считать деньги.

— И вы используете все двери?

— Все до единой.

Они кружились, и Лейла забыла про гостей, про мать, про Селима. Был только этот танец — и этот человек, который смотрел на неё не как на богиню, а как на женщину. И в этом взгляде было что-то, отчего у неё перехватывало дыхание.

— Я хочу задать вам вопрос, — сказала она.

— Задавайте.

— Если бы я решила уехать завтра — вы бы меня осудили?

Он помолчал, обдумывая ответ.

— Нет, — сказал он наконец. — Я бы не осудил. Но я бы удивился.

— Почему?

— Потому что вы не похожи на женщину, которая бежит. Вы похожи на женщину, которая остаётся и сражается.

— Даже если сражение проиграно?

— Особенно тогда. Проигранные сражения лучше всего показывают, кто ты на самом деле.

Музыка закончилась. Они остановились, но его рука всё ещё лежала на её талии. На одно мгновение дольше, чем следовало. Потом он отпустил её и отступил на шаг.

— Спасибо за танец, Лейла-ханым.

— Спасибо, что пришли.

— Я же обещал.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но она окликнула его:

— Господин Бора.

— Да?

— Что бы ни случилось... — она запнулась, не зная, как закончить. — Я рада, что вы здесь.

Он посмотрел на неё — и в его глазах, всегда таких закрытых, мелькнуло что-то почти похожее на тепло.

— Я тоже, — сказал он. — Я тоже.

И ушёл, оставив её одну на танцевальной площадке. А через минуту случилось то, что разрушило всё.

С моря донёсся гул. Сперва низкий, едва слышный, он нарастал, как приближающаяся гроза. Гости замерли. Оркестр сбился и умолк. Экрем-бей, поблднев, быстрым шагом направился к балюстраде.

— Что это? — спросила Сафие-ханым, хватая мужа за руку.

— Не знаю, — ответил он, хотя по его лицу было видно, что он знает. Он боялся этого звука. Ждал его.

Гул перерос в грохот. Небо над портом озарилось оранжевой вспышкой. А затем — ещё одной. И ещё. Это были не молнии. Это были пушки.

— Боже мой, — прошептала Эмине, прижимая ладонь ко рту. — Это война.

И словно по сигналу, сад охватила паника. Гости кричали, дамы роняли бокалы, офицеры бросились к выходу. Столы опрокидывались, оркестранты хватали инструменты и бежали. Французская графиня, забыв про свои мемуары, вцепилась в руку какого-то чиновника.

А Лейла стояла посреди этого хаоса и смотрела на море. На оранжевое зарево, которое больше не было далёким и неясным. Теперь оно было здесь, у порога их дома. И она знала: это конец.

Но стоя на краю этого конца, она не плакала. Она думала о словах Кемаля. «Вы похожи на женщину, которая остаётся и сражается».

Возможно, он был прав.

Глава 4. Пари на гордость

Александрия, июль 1910 года

Никто не успел понять, с чего началось.

Позже, когда Лейла пыталась восстановить в памяти тот вечер — а она пыталась, сотни раз, — всё распадалось на обрывки. Вспышка над портом. Грохот, от которого заложило уши. Крики. Лицо матери, белое как мел. Рука отца, схватившая её за локоть и толкающая к дому. И бесконечное, невыносимое оранжевое зарево, которое поднималось над морем, как гнев Божий.

Она помнила, как бежала через сад, спотыкаясь о перевёрнутые стулья и разбитые бокалы. Помнила, как кто-то — кажется, Эмине — вцепился в её руку и что-то кричал, но слов было не разобрать. Помнила, как Селим, бледный, с безумными глазами, тянул её к выходу, повторяя: «Уходим, уходим, сейчас же...» Но она вырвала руку и побежала обратно — искать отца.

Экрем-бей стоял у балюстрады, глядя на порт. Его спина, всегда такая прямая, сейчас была странно согнута, словно на плечи ему легла невидимая тяжесть. Рядом с ним, к удивлению Лейлы, стоял Кемаль Бора — без пиджака, с закатанными рукавами, словно он сбросил светскую оболочку и снова стал тем грубым человеком, каким она его впервые увидела.

— Это британцы, — говорил Кемаль, и голос его звучал спокойно, даже буднично. — Бьют по портовым складам. Пытаются подавить сопротивление до высадки основного десанта.

— Но здесь женщины, дети... — Экрем-бей сжал кулаки. — Они не могут бомбить жилые кварталы!

— Могут. И будут. — Кемаль обернулся и увидел Лейлу. Что-то мелькнуло в его глазах — не тревога, нет, скорее оценка. Он быстро оглядел её, проверяя, цела ли она. — Уводите женщин в подвал. Немедленно.

— Я не пойду в подвал, — сказала Лейла. — Я нужна здесь.

— Вы нужны живой. — Он не спорил, не уговаривал — просто констатировал факт. — Ваш отец и я займёмся охраной. У меня люди у ворот. Если начнётся паника, толпа может пойти на виллу.

— Пусть идут, — сказал Экрем-бей. — У нас есть оружие.

— Папа...

— Лейла, — он повернулся к ней, и в его глазах была такая решимость, какой она никогда раньше не видела. — Послушай господина Бора. Уведи мать, Эмине, женщин. И оставайся с ними. Я приду, как только смогу.

Она не хотела подчиняться. Каждая клетка её тела кричала: останься, помоги, сделай что-нибудь. Но она знала этот тон. Так отец говорил, когда решение было принято окончательно и бесповоротно.

— Хорошо, — сказала она. — Но ты придёшь. Ты обещал.

— Я приду. — Он поцеловал её в лоб, быстро и жёстко, и подтолкнул к дому. — Иди.

Она побежала, но у входа на веранду оглянулась. Отец и Кемаль стояли рядом у балюстрады — высокие, тёмные силуэты на фоне оранжевого неба. Они были такими разными — аристократ и торговец, — но сейчас между ними было что-то, похожее на взаимопонимание. Что-то, что рождается только перед лицом общей опасности.

Это был последний раз, когда Лейла видела отца живым.

В доме царил хаос. Сафие-ханым, полуобморочная, сидела в кресле в гостиной, и служанки сутились вокруг неё с нюхательной солью. Эмине рыдала в углу, прижимая к груди сумочку, словно та могла её спасти. Гости, не успевшие сбежать, метались по коридорам, спрашивая друг у друга, что делать. Французская графиня — та самая, с перьями на шляпе, —

застряла в дверях, зацепившись шляпой за притолоку, и издавала звуки, похожие на кудахтанье.

Лейла остановилась посреди этого бедлама, и на неё вдруг снизошло странное, ледяное спокойствие. Страх никуда не делся — он сидел где-то в животе, холодный и липкий, — но поверх него, как корка льда на реке, выросла решимость.

— Фатма! — крикнула она, и голос её перекрыл шум. — Закрывать все окна и ставни! Элени, на кухню — собрать еду, воду, свечи! Эмине, перестань плакать и помоги матери подняться. Все в подвал, быстро!

Слуги, привыкшие подчиняться, задвигались. Даже графиня, высвободив наконец свою шляпу, перестала кудахтать и посмотрела на Лейлу с уважением.

— Откуда вы знаете, что делать? — спросила она по-французски.

— Не знаю, — честно ответила Лейла. — Но кто-то должен.

Подвал виллы «Эгей» был огромным — настоящее подземелье, выстроенное ещё первыми владельцами для хранения вина и припасов. Сейчас в нём пахло плесенью и старым деревом. Слуги расставляли свечи, наскоро сооружали лежанки из одеял. Сафие-ханым спустилась с помощью Эмине и теперь сидела в углу, прижимая ладонь к виску. Селим, которого Лейла потеряла из виду в первые минуты паники, нашёлся у дверей подвала: он помогал какой-то пожилой даме спускаться по ступеням.

— Ты в порядке? — спросил он, бросаясь к Лейле.

— В порядке. А ты?

— Кажется, да. — Он сжал её руку. Его пальцы дрожали. — Лейла, это война. Настоящая война. Мы должны уехать. Завтра же. Или сегодня. Сейчас.

— Мы не можем сейчас. Отец остался наверху.

— Твой отец... — Селим осёкся, но потом всё же сказал: — Твой отец знает, что делает. А мы здесь бесполезны.

— Бесполезны? — она вырвала руку. — Здесь женщины, дети. Им нужна помощь. Мы не можем просто взять и...

Новый взрыв, ближе, чем предыдущие, сотряс дом. С потолка посыпалась пыль, кто-то из женщин вскрикнул. Лейла покачнулась и вцепилась в косяк двери. В ушах звенело.

— Ты видишь?! — Селим схватил её за плечи. — Ты видишь? Мы все умрём, если останемся!

— Тогда умрём! — выкрикнула она, и её собственный голос прозвучал так яростно, что Селим отшатнулся. — Но я не брошу отца и мать!

Повисла тишина. Все, кто был в подвале, смотрели на них — кто с испугом, кто с любопытством. Селим стоял, опустив руки, и на его лице было выражение, какого Лейла никогда раньше не видела. Это была не обида. Не страх. Это было непонимание. Словно перед ним стоял незнакомый человек.

— Ты изменилась, — сказал он тихо.

— Я не изменилась. Я просто перестала притворяться.

Она отвернулась и пошла к лестнице. Ей нужно было наверх, к отцу. Она больше не могла сидеть в подвале, не зная, что происходит. Но на полпути её перехватила Фатма.

— Госпожа, нельзя! Там...

— Пусти.

— Госпожа!

Но Лейла уже взбежала по ступеням и выскочила на первый этаж. Дом был пуст и тёмн — только вспышки за окнами освещали коридор призрачным светом. Она пробежала через веранду в сад.

И замерла.

У балюстрады, там, где она оставила отца и Кемаль, теперь стоял только Кемаль. Он был один — без пиджака, рубашка порвана на плече, лицо перепачкано сажей. Увидев Лейлу, он быстро пошёл к ней навстречу, преграждая путь.

— Вернитесь в подвал.

— Где отец? — она попыталась обойти его, но он схватил её за плечи. Крепко. Почти грубо.

— Лейла. Послушайте меня.

— Где мой отец?!

Он молчал. И в этом молчании было всё.

— Нет, — прошептала она. — Нет. Вы лжёте.

— Я никогда вам не лгал. — Его голос был твёрдым, но не жестоким. — Десять минут назад. Шальной осколок. Ваш отец был ранен. Мои люди отнесли его в кабинет. Он...

Она не дослушала. Она вырвалась — на этот раз ему пришлось уступить — и побежала в дом. Кабинет. Дверь открыта настежь. На полу — тёмное пятно, которого не было раньше. И на диване у окна — её отец.

Экрем-бей лежал, прижимая руку к груди, и его рубашка была красной. Глаза его были открыты, и он смотрел в потолок — не так, как смотрят живые. Так, как смотрят люди, которые уже не здесь.

— Папа? — Лейла опустилась на колени рядом с ним и взяла его руку. Она была ещё тёплой. — Папа, пожалуйста...

Сзади подошёл Кемаль. Она слышала его шаги, но не обернулась.

— Он умер мгновенно, — сказал он. — Он не мучился.

— Вы были с ним?

— Да. До последней минуты.

— Что он сказал?

— Он сказал... — Кемаль запнулся. Впервые с тех пор, как она его знала, он запнулся. — Он сказал: «Берегите её».

Лейла зажмурилась. Слезы наконец прорвались — горячие, беззвучные, обжигающие. Она прижала ладонь отца к своей щеке и сидела так, пока грохот канонады не слился в один бесконечный гул.

Сколько времени прошло, она не знала. Может быть, минуты. Может быть, часы. Но когда она наконец подняла глаза, в кабинете было темно, а Кемаль всё ещё стоял рядом — молча, не двигаясь, словно часовой на посту.

— Нужно сообщить матери, — сказала она хрипло.

— Я уже послал человека. Он скажет осторожно.

— Спасибо.

— Не за что.

Она поднялась на ноги. Ноги не держали, но она устояла. Подошла к окну. За окном всё ещё полыхало зарево, но грохот стих, сменившись зловещей тишиной.

— Что теперь? — спросила она.

— Британцы высадились в порту. Повстанцы отступают в старый город. Завтра начнутся уличные бои. Если они дойдут до этого района...

— Что будет с виллой?

Кемаль помолчал.

— Если мы не организуем оборону, — сказал он наконец, — от виллы ничего не останется.

— Тогда организуйте. — Она повернулась к нему. — Вы предлагали охрану. Я согласна.

— Ваш отец вчера тоже согласился. Но теперь его нет. И решение за вами.

— Я согласна, — повторила она. — Что нужно делать?

Кемаль смотрел на неё. В его тёмных глазах было что-то новое — не усмешка, не снисхождение, а странное, почти невольное уважение.

— Нужно распределить людей по периметру. Укрепить ворота. Перенести ценности в подвал. Запастись водой. И главное — никому не открывать, пока я не дам знать.

— Это всё?

— Нет. Ещё нужно, чтобы вы поспали.

Она усмехнулась — сухо, безрадостно.

— Вы серьёзно?

— Я серьёзно. Завтра будет тяжёлый день. Вы нужны этим людям. Вашей матери. Вашим слугам. Вы теперь — хозяйка виллы «Эгей». И от того, как вы будете держаться, зависит, выживут ли они.

— Я не знаю, как быть хозяйкой в таких обстоятельствах.

— Научитесь. — Он взял её за подбородок и поднял её лицо так, чтобы она смотрела ему в глаза. — Я когда-то сказал вам, что вы сильнее, чем думаете. Сегодня вы это доказали. Не останавливайтесь.

Она не ответила. Она просто смотрела на него — на этого странного, непонятного человека, который в день её триумфа стал свидетелем её горя. Который обещал её отцу беречь её. Который стоял здесь, в её разрушенном доме, и говорил слова, которые не говорил никто другой.

— Идите, — сказал он, отпуская её. — Я разбужу вас, если что-то случится.

И она пошла.

В подвале было тихо. Сафие-ханым, узнав о смерти мужа, впала в оцепенение — она сидела в углу, глядя в одну точку, и не реагировала ни на что. Селим пытался говорить с ней, но она его не слышала. Лейла села рядом с матерью и взяла её за руку.

— Мы выживем, — сказала она тихо. — Я тебе обещаю.

И впервые за этот бесконечный день она сама поверила в то, что говорила.

Ночь тянулась вечность. Где-то наверху, в разорённом саду, люди Кемалья расставляли посты и укрепляли ворота. Где-то в городе продолжалась стрельба. А в подвале, при свете оплывающих свечей, Лейла Искандер приняла свою первую ношу — ношу, которую ей предстояло нести отныне и до конца.

За несколько часов до рассвета она всё-таки забылась тревожным сном. Ей снился гранатовый сад — не здешний, чужой, но почему-то знакомый. Она шла по нему босиком, и спелые плоды лопались под ногами, оставляя на коже красные следы, похожие на кровь. А в конце аллеи стоял человек — она не могла разглядеть его лица, но знала, что он ждёт её.

Проснувшись она оттого, что кто-то тронул её за плечо. Это был Кемаль. Лицо его было серым от усталости, но глаза блестели.

— Рассвет, — сказал он. — В городе затишье. Но к полудню британцы начнут наступление на старый город. Ваш квартал — на линии огня.

— Что это значит?

— Это значит, что у нас есть несколько часов, чтобы решить: оставаться или уходить.

— Я уже решила, — сказала Лейла.

— Я знаю. — Он чуть улыбнулся. — Поэтому и не спрашиваю совета. Я спрашиваю план.

Она встала, поправила волосы — всё ещё уложенные в бальную причёску, но теперь расчёпанную и пропахшую гарью.

— План такой: мы остаёмся. Укрепляем виллу. Ждём. Если британцы подойдут — встречаем их как хозяева, а не как беженцы. Мой отец сказал: «Искандеры не сгибаются». Мы не согнёмся.

Кемаль смотрел на неё долго, очень долго. А потом сказал:

— Знаете, Лейла-ханым... я, кажется, проиграл пари.

— Какое пари?

— Когда я впервые вас увидел, я сказал себе: «Эта девушка сломается при первой же настоящей трудности». — Он покачал головой. — Я ошибался.

— А теперь?

— Теперь я думаю, что вы — самая упрямая женщина из всех, кого я встречал. — Он помолчал. — И самая достойная.

И прежде чем она успела ответить, он повернулся и ушёл — к своим людям, к своим обязанностям, к войне, которая только начиналась.

А Лейла осталась стоять у входа в подвал, глядя ему вслед, и в её сердце, израненном и оцепеневшем, что-то шевельнулось. Что-то, чему ещё не было названия.

Утро после бомбардировки наступило серое и тихое. Небо над Александрией заволокло дымом пожаров, и солнце, поднимавшееся из-за моря, казалось тусклым, словно закопчённое стекло. Лейла стояла на веранде — той самой, где вчера ещё играл оркестр, — и смотрела на сад. Точнее, на то, что от него осталось.

Старый платан, под которым они с Селимом читали стихи, лежал, вывороченный с корнем, придавив мраморную скамью. Клумбы были перепаханы осколками, фонтан умолк, и его чаша наполнилась мутной водой вперемешку с пеплом. У ворот стояли люди Кемалья — четверо мужчин с винтовками, — и Лейла, глядя на них, впервые подумала: «Теперь это не праздничный дом. Теперь это крепость».

Сзади слышались шаги. Она обернулась — к ней шёл Кемаль, уже умытый, в чистой рубашке, но с теми же усталыми глазами. Он протянул ей кружку с горячим чаем.

— Вы не спали, — сказал он.

— Я пыталась. Не получилось.

— Пейте. Чай — единственное, что у нас пока в избытке.

Она взяла кружку. Чай был горьким, почти без сахара, но тепло приятно разлилось по телу.

— Что с городом? — спросила она.

— Британцы заняли порт и консульский квартал. Повстанцы отошли в восточные районы. Сегодня, скорее всего, будет бой у мечети Ибрагима. Это в двух милях отсюда.

— Две мили... — Лейла стиснула кружку. — Это близко.

— Достаточно близко, чтобы слышать выстрелы. Но недостаточно, чтобы они дошли до нас, если мы будем вести себя тихо. — Он помолчал. — Я отправил людей за провизией. Ваша кухарка составила список. Вы должны проверить.

— Я? Почему не вы?

— Потому что я не знаю, сколько вашей матери нужно молока на неделю и сколько свечей сжигают ваши служанки. — Он чуть усмехнулся. — Война — это не только стрельба, Лейлаханым. Это ещё и хозяйство. Армия без провианта — толпа.

Она кивнула и пошла на кухню. Список Элени лежал на столе — исписанный неровным почерком, с пятнами от слёз. Масло, мука, рис, сахар, соль, спички, мыло... Лейла просматривала его и вдруг поняла, что никогда раньше не думала о том, сколько еды нужно, чтобы прокормить двадцать человек в течение недели. Она не знала цен, не знала, где хранятся запасы, не знала даже, сколько мешков муки в кладовой.

— Фатма, — позвала она. — Покажи мне кладовую.

Служанка удивилась, но повела её в подвал, где вдоль стен стояли мешки и ящики. Лейла провела там час — считала, записывала, спрашивала. Ей казалось, что она снова учится танцевать: шаг за шагом, движение за движением. Только на кону была не похвала мсье Дюпона, а жизни людей.

Когда она поднялась наверх, в гостиной её ждал Селим.

Он сидел в кресле, всё в том же измятом вечернем костюме, и смотрел в одну точку. Увидев Лейлу, он встрепенулся и вскочил.

— Я искал тебя.

— Я была в кладовой.

— В кладовой? — он удивлённо моргнул. — Зачем?

— Потому что кто-то должен знать, сколько у нас еды.

— Но это же... — он осёкся, подбирая слово, — ...не твоя забота.

— А чья? — она устало опустилась в кресло напротив. — Моего отца больше нет. Мать не встает с постели. Слуги напуганы. Кто, если не я?

Селим подошёл и опустился рядом с ней на колени, беря её руки в свои.

— Лейла, послушай. Я всю ночь думал. Эта вилла не выдержит осады. Это просто дом, а не крепость. Если британцы начнут наступление — мы здесь погибнем. У меня есть друг в порту, он может достать билеты на пароход. До Марселя. Оттуда — поездом до Парижа. Мы можем уехать сегодня вечером.

— Сегодня?

— Да. Возьмём твою мать, минимум вещей. Всё остальное — вещи, деньги, дом — это неважно. Важна жизнь. Наша жизнь.

Лейла молчала. Она смотрела на него — на его взволнованное лицо, на дрожащие губы, на красные от бессонницы глаза, — и чувствовала, как внутри разрастается пустота.

— Ты не спрашиваешь, — сказала она тихо. — Ты снова не спрашиваешь.

— О чём?

— О том, чего хочу я.

— А разве ты не хочешь спастись?

— Я хочу остаться. Я хочу защитить дом моего отца. Я хочу быть там, где я нужна.

— Ты нужна мне! — в его голосе прорвалась настоящая боль. — Ты нужна мне, Лейла! Я не смогу без тебя. Я не выживу.

— Ты не выживешь? — она подняла бровь. — А как же я? Как же моя мать? Как же люди, которые на нас работают? Они тоже могут не выжить. Но ты думаешь только о себе.

— Это неправда.

— Правда, Селим. — Она высвободила руки и встала. — Ты милый, добрый, талантливый. Ты пишешь прекрасные стихи. Но ты не умеешь смотреть в лицо реальности. А реальность сейчас такова: мы в осаде. И либо мы дерёмся, либо сдаёмся. Я не сдаюсь.

— Значит, ты выбираешь дом, — сказал он глухо. — А не меня.

— Я выбираю долг.

— Долг перед кем? Перед мёртвым отцом? Перед слугами? Перед этим... торговцем?

— Да, — сказала она. — Перед ними тоже.

Селим встал. Его лицо, ещё минуту назад полное мольбы, теперь отвердело.

— Я не узнаю тебя, — сказал он. — Ты стала другая.

— Я стала та, кем всегда была. Ты просто не замечал.

Он взял свою шляпу — ту самую, в которой пришёл на бал, — и направился к выходу.

— Куда ты? — спросила Лейла.

— В порт. Узнаю насчёт билетов. Если ты передумаешь — я буду там до вечера. Пароход отходит в полночь.

— Селим...

— Я люблю тебя, Лейла. — Он обернулся на пороге, и в его глазах блеснули слёзы. — Я люблю тебя больше жизни. Но я не могу оставаться здесь и ждать смерти. Прости.

И он ушёл. Лейла стояла посреди гостиной и слушала, как его шаги затихают в коридоре. Ей казалось, что из груди вынимают что-то важное — не сердце, нет, сердце было на месте,

— а иллюзию. Иллюзию любви, которая оказалась красивой сказкой, но не выдержала первого же столкновения с реальностью.

— Он вернётся, — сказал за её спиной голос.

Она обернулась. В дверях стоял Кемаль. Сколько он слышал — непонятно, но, судя по выражению его лица, достаточно.

— Вы так думаете? — спросила она.

— Я думаю, что он хороший человек. А хорошие люди часто возвращаются. Но не всегда вовремя.

— А вы? — она посмотрела ему в глаза. — Вы бы вернулись?

— Я бы не ушёл. — Он пожал плечами. — Но я не хороший человек, Лейла-ханым. Я торговец.

Она почти улыбнулась. Почти.

— Что вы хотите? — спросила она.

— У меня есть новости. Хорошие и плохие.

— Начинайте с плохих.

— Плохие: британцы перекрыли порт полностью. Ни один пароход не выйдет сегодня ночью. Ваш жених, скорее всего, застрянет там до утра. Если вообще доберётся — в городе стрельба.

— А хорошие?

— Хорошие: мои люди нашли склад с продовольствием в заброшенной пекарне. Хозяин сбежал, товар остался. Мы перевезли его сюда. Теперь у нас есть хлеб на месяц вперёд.

— Это хорошая новость, — признала она.

— И ещё одна. — Он помолчал. — Я узнал, что губернатор покинул город. Власти больше нет. Александрия предоставлена самой себе. Это значит, что британцы будут наводить порядок так, как они умеют. Жёстко. Возможно, с зачистками.

— Что такое зачистки?

— Вам лучше не знать. Скажем так: люди с оружием будут ходить по домам и искать повстанцев. И тех, кто им помогает.

Лейла сжала спинку кресла.

— Мы никому не помогаем.

— Мы — нет. Но вилла «Эгей» — заметная цель. Богатый дом. Одинокая женщина-хозяйка. Молодые служанки. Запасы еды. — Он смотрел на неё в упор. — Я могу защитить вас от мародёров. Мои люди могут держать периметр. Но если придут британские солдаты, моих полномочий не хватит.

— Что вы предлагаете?

Он подошёл ближе. Теперь они стояли друг напротив друга — так близко, что она видела тонкие морщинки у его глаз и всё ещё не отмытую до конца сажу на виске.

— Я предлагаю вам сделку, Лейла-ханым. Брак.

Она моргнула. На мгновение ей показалось, что она ослышалась.

— Что?

— Брак, — повторил он спокойно. — Если вы станете моей женой, этот дом перейдёт под мою защиту официально. Я — британский подданный, у меня есть документы. Консульство признает мои права. Никто не тронет собственность британского гражданина.

— Вы... — у неё перехватило дыхание. — Вы предлагаете мне выйти за вас замуж? Сейчас? Через два дня после смерти моего отца?

— Да. Потому что через три дня может быть поздно.

— Это безумие.

— Это расчёт. — Он ничуть не смутился. — Война — время быстрых решений. Вы хотите спасти виллу, мать, слуг. Я могу это обеспечить. Но не бесплатно.

— И какова же цена? — спросила она ледяным тоном.

— Вы. Ваше имя. Ваш статус. — Он не отводил взгляда. — Мне нужна жена, которая будет управлять домом. У меня есть поместье на севере, дом из серого камня. Если падёт Александрия — а она падёт, — мы уедем туда. Там безопаснее. Вы станете хозяйкой поместья. Будете вести дела, пока я буду решать вопросы с военными.

— Деловое соглашение, — прошептала она.

— Именно.

— Вы не говорите о любви.

— Я не говорю о том, чего нет. — Его голос был ровным. — Я не люблю вас, Лейлаханым. Вы не любите меня. Но это не имеет значения. Я уважаю вас. Я обещал вашему отцу беречь вас. И я сделаю это — так, как умею. Брак — это контракт. Хороший контракт защищает обе стороны.

Она отвернулась и подошла к окну. В саду всё так же лежал поваленный платан. У ворот всё так же стояли люди Кемаля. Мир рушился, и посреди этого крушения странный, грубый, циничный человек предлагал ей сделку. Не спасение, не любовь, не красивую сказку. Просто сделку.

И она, к собственному ужасу, понимала, что это — единственный разумный выход.

— Мне нужно подумать, — сказала она.

— Думайте. У вас есть до завтра. Завтра британцы объявят комендантский час. После этого передвижения будут ограничены. Если мы не заключим брак сейчас, потом это будет сложнее.

— Почему вы делаете это? — она обернулась. — Почему вы вообще здесь? У вас есть деньги, документы, связи. Вы могли бы уехать. Зачем вам защищать нас?

Он долго смотрел на неё, и в его глазах что-то мерцало — что-то спрятанное так глубоко, что она не могла разобрать.

— Я сказал вам в госпитале: вы мне нравитесь. Это правда. Но есть и другое. — Он запнулся. — Много лет назад я не смог защитить одну женщину. Она умерла. Когда ваш отец попросил меня... я подумал, что это шанс.

— Шанс на что?

— На то, чтобы в этот раз сделать правильно.

Лейла молчала. В комнате было тихо, только где-то вдалеке, над восточными кварталами, снова ухали пушки. Она смотрела на этого человека — чужого, непонятного, предлагающего ей спасение ценой свободы, — и впервые за всё время их знакомства не чувствовала к нему ни гнева, ни презрения.

Только странную, болезненную благодарность.

— Я дам ответ завтра, — сказала она.

— Я буду ждать.

Он поклонился — коротко, сдержанно, как равный равной, — и вышел.

А Лейла осталась стоять у окна, глядя на дымное небо и поваленный платан, и думала о том, что завтра ей предстоит принять самое важное решение в своей жизни. Решение, которое определит всё.

Ночь прошла без сна. Лейла лежала в своей комнате — впервые после бала она решилась подняться на второй этаж, несмотря на риск, — и слушала звуки ночного города. Выстрелы, далёкие взрывы, чьи-то крики. Александрия умирала, и вместе с ней умирала прежняя Лейла Искандер.

Она думала о Селиме. О его белых розах, о его стихах, о его растерянном лице. Он был её первой любовью — вернее, тем, что она принимала за любовь. Теперь она понимала: это была не любовь. Это была красивая мечта, в которую она сбегала от скуки. Селим был для неё тем же, чем она была для него, — идеальным образом, сотканным из ожиданий и иллюзий.

А Кемаль... Она думала о его словах. «Я не люблю вас. Вы не любите меня. Но это не имеет значения». Никто никогда не говорил с ней так честно. Даже грубо. Но в этой честности было что-то, чего не было во всех сонетах Селима вместе взятых. Реальность. Почва под ногами. Твёрдая земля, на которой можно стоять.

И ещё эти слова: «Много лет назад я не смог защитить одну женщину». Кто она была? Что случилось? Почему он носит этот шрам не только на подбородке, но и где-то глубже, куда она ещё не заглядывала?

Утром она спустилась вниз, умылась холодной водой из колодца, переделалась в простое тёмное платье — то, что обычно надевала для визитов в благотворительный госпиталь, — и вышла на веранду. Кемаль уже был там. Стоял, как вчера, глядя на море.

— Я согласна, — сказала она.

Он обернулся. Никакого торжества, никакой усмешки. Только короткий кивок.

— Хорошо.

— У меня есть условия.

— Я слушаю.

— Первое: моя мать едет с нами. Никаких споров. Она остаётся под моей опекой.

— Согласен.

— Второе: слуги, которые захотят уехать, получают расчёт и рекомендации. Те, кто захочет остаться, останутся.

— Это разумно.

— Третье... — она запнулась. — Третье: вы никогда не поднимете на меня руку.

Он посмотрел на неё так, словно она оскорбила его впервые за всё время.

— Лейла-ханым, — сказал он медленно, — я не быю женщин. Это, возможно, единственное правило, которое я никогда не нарушал.

— Хорошо. Тогда...

— Теперь мои условия, — перебил он. — Первое: вы будете вести хозяйство так, как я считаю нужным. Я не вмешиваюсь в женские дела, но бюджет утверждаю я. Второе: в деловых вопросах моё слово — последнее. Третье: я не требую от вас любви. Но я требую верности. Физической. Пока мы женаты, вы моя жена. И точка.

— А вы? — спросила она.

— Что я?

— Вы будете мне верны?

Он усмехнулся — но не зло, скорее устало.

— Я слишком занят, чтобы заводить интрижки на стороне. Если это вас беспокоит — напрасно.

Она кивнула. В горле стоял ком, но она заставила себя говорить дальше.

— Когда?

— Сегодня. В портовой часовне есть священник, который согласился провести церемонию. Британский капеллан. Это займёт пятнадцать минут.

— Сегодня, — повторила она.

— Да. Война не ждёт, Лейла-ханым. И я тоже.

Она глубоко вздохнула и посмотрела на море — серое, дымное, чужое. Море, которое когда-то обещало ей вечность, а теперь стало просто водой, по которой ходят военные корабли.

— Хорошо, — сказала она. — Сегодня.

И прежде чем она успела передумать, он взял её руку и пожал — коротко, по-деловому, как партнёр партнёру.

— Вы не пожалеете, — сказал он.

— Это мы ещё посмотрим, господин Бора.

— Уже почти госпожа Бора.

Она вздрогнула от этого сочетания звуков. Её новое имя. Её новая жизнь. Её новая роль. И где-то в глубине души, под слоями горя, страха и усталости, шевельнулось странное, почти забытое чувство. Любопытство. Азарт. Вызов.

Она проиграла свою гордость. Но, возможно — только возможно, — она выиграла нечто большее.

К полудню новость облетела виллу. Сафие-ханым, узнав о решении дочери, впервые за трое суток вышла из своего оцепенения. Она посмотрела на Лейлу долгим взглядом, но не произнесла ни слова упрёка. Только спросила:

— Ты уверена?

— Да, мама.

— Он хороший человек?

— Я не знаю. Но он сильный. И он сдержит слово.

Сафие-ханым помолчала, потом взяла дочь за руку.

— Твой отец уважал его. Это всё, что мне нужно знать. — Она прижала ладонь Лейлы к своей щеке. — Ты будешь в белом?

— Нет. В том, что на мне.

— Жаль. Но, наверное, это правильно. Белый — для мирного времени.

Фатма, услышав новость, заплакала. Не от горя — от облегчения. Элени молча перекрестилась. Люди Кемаль у ворот, казалось, стали держаться чуть прямее — теперь они охраняли не чужой дом, а дом своего хозяина.

Одного человека не было. Селим не вернулся ни вечером, ни утром. Лейла не знала, добрался ли он до порта, сел ли на пароход, жив ли вообще. И впервые с удивлением поймала себя на том, что эта мысль не причиняет ей той боли, которую она ожидала. Только тихую, светлую грусть — как по ушедшему детству.

Венчание состоялось в три часа пополудни, в маленькой часовне у восточных ворот порта. Кемаль приехал в простой тёмной одежде, без всяких украшений. Лейла — в своём тёмном платье, с ниткой жемчуга, которую подарил отец. Свидетелями были два человека Кемаль и заплаканная Фатма, которую Лейла настояла взять с собой.

Капеллан, сутулый пожилой англичанин с бельмом на глазу, быстро прочёл молитву — он явно торопился, поглядывая на дверь, за которой слышались выстрелы. Кольца были простые, взятые тут же, в часовне, из запасов, оставшихся от других венчаний. Обменявшись клятвами, они поставили подписи в регистрационной книге, и капеллан торопливо благословил их.

Всё заняло двенадцать минут.

Выйдя из часовни, Лейла остановилась на ступенях и подняла голову к небу. Оно всё ещё было серым, затянутым дымом, но где-то далеко, на горизонте, виднелась тонкая полоска синевы.

— О чём вы думаете? — спросил Кемаль, стоя рядом.

— Думаю о том, что мой отец любил это небо. Он говорил, что в Александрии небо особенное.

— Так и есть. Оно переживёт всё это. — Он помолчал. — И мы переживём.

Она повернулась к нему.

— Что теперь?

— Теперь мы возвращаемся на виллу. Собираем вещи. И завтра на рассвете уезжаем.

— Куда?

— В дом из серого камня. Там безопаснее. — Он чуть улыбнулся. — Добро пожаловать в вашу новую жизнь, госпожа Бора.

Лейла сжала зубы, расправила плечи и пошла к экипажу. Позади оставалась горящая Александрия, мёртвый отец, сбежавший жених и прежняя Лейла Искандер. Впереди были

неизвестность, опасность и человек, которому она теперь принадлежала — или не принадлежала, это ещё предстояло выяснить.

Но одно она знала точно: она выживет. Потому что гордость — это роскошь, которую она больше не может себе позволить. А выживание — это искусство, которому она только начала учиться.

Вернувшись на виллу после венчания, Лейла первым делом поднялась в спальню матери.

Сафие-ханым лежала на кровати, укрытая до подбородка шёлковым покрывалом, и смотрела в потолок. За эти три дня она постарела на десять лет: волосы, всегда уложенные в безупречную причёску, теперь висели тусклыми прядями; кожа приобрела сероватый оттенок; руки, лежавшие поверх покрывала, казались восковыми. Но когда Лейла вошла, в глазах матери мелькнула искра жизни.

— Всё сделано? — спросила Сафие-ханым тихо.

— Да, мама. Мы обвенчаны.

— Дай я посмотрю на тебя.

Лейла подошла ближе и села на край кровати. Мать взяла её за подбородок, повернула лицо к свету, всмотрелась — так, словно искала что-то, что могло исчезнуть.

— Ты не плакала, — сказала она наконец.

— Нет.

— Значит, ты сильнее меня. Я, когда выходила за твоего отца, проплакала всю ночь. Не от горя — от страха. А ты не плачешь.

— Слёзы не помогут.

Сафие-ханым опустила руку и снова устремила взгляд в потолок.

— Твой отец гордился бы тобой. Он всегда говорил: «В этой девочке больше стали, чем во всей нашей семье». Я думала, он преувеличивает. — Она помолчала. — Когда мы уезжаем?

— Завтра на рассвете. Кемаль говорит, что в городе будет затишье до полудня. Нужно успеть.

— Я не хочу уезжать.

— Мама...

— Я знаю, что нужно. — Сафие-ханым повернула голову и посмотрела на дочь. — Я просто говорю, что не хочу. Я хочу остаться здесь, с твоим отцом. С этим домом. С этим садом. Но я понимаю — нельзя. Я поеду. Ради тебя.

Лейла наклонилась и поцеловала мать в лоб. Кожа была горячей и сухой.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не благодари. Это мой долг. — Сафие-ханым закрыла глаза. — Иди. Тебе нужно собраться. И проследить, чтобы Фатма не забыла мои капли.

Лейла вышла из спальни и прислонилась к стене в коридоре. Она не плакала — она давно разучилась плакать, за эти трое суток. Но где-то глубоко внутри, под коркой льда, болело. Болело так, словно из неё вынимали что-то живое.

Она заставила себя выпрямиться и спустилась вниз.

Сборы заняли весь вечер и половину ночи.

Лейла никогда раньше не руководила переездом. Оказалось, что это целая наука: нужно решить, что брать, а что оставить; как упаковать серебро, чтобы не звенело при тряске; сколько еды взять в дорогу; куда поместить больную мать, чтобы ей было удобно. Кемаль, занятый организацией эскорта, появлялся лишь изредка — бросить короткое указание, проверить повозки, пересчитать оружие. Он двигался по вилле быстро и бесшумно, как хищник в знакомом лесу, и Лейла ловила себя на том, что её взгляд сам тянется к нему — высокому, собранному, чужому и одновременно уже как будто необходимому.

Фатма паковала вещи госпожи с той же тщательностью, что и всегда, но теперь она ещё и бормотала молитвы, перемежая их практическими замечаниями:

— Платье цвета морской волны... такое красивое... куда его, госпожа?

— Оставь здесь, — сказала Лейла. — Оно мне больше не понадобится.

— Как же так? Это же ваше лучшее платье! Вы в нём танцевали...

— Именно поэтому. Я больше не хочу его видеть.

Фатма замолчала, но платье аккуратно сложила и убрала в шкаф — то ли из бережливости, то ли из суеверного страха выбрасывать такую красоту.

Элени на кухне пекла лепёшки в дорогу. Слёзы капали в тесто, но она продолжала месить — ритмично, ожесточённо, словно это занятие было единственным, что удерживало её от полного отчаяния. Её сын, Нико, так и не нашёлся. Муж оставался в Александрии — искать. Она уезжала без них, и каждая лепёшка была как маленькая молитва о возвращении.

К полуночи всё было готово. Две повозки стояли у ворот — одна для семьи, другая для багажа. Шестеро вооружённых людей Кемалья должны были сопровождать их до места. Лошади нервничали, чуя опасность. Где-то в восточных кварталах всё ещё стреляли — теперь реже, но ближе.

Лейла вышла в сад попрощаться.

Сад был изуродован. Тело поваленного платана всё ещё лежало поперёк аллеи, придавив мраморную скамью, на которой она когда-то читала французские романы. Розы были вытоптаны. Фонтан молчал. Но живые деревья — кипарисы, гранаты, старые оливы у восточной стены — стояли нетронутые, и в лунном свете их листва серебрилась, как седина.

— Прости, — сказала Лейла саду. — Прости, что не смогла уберечь.

Она сорвала с куста жасмина несколько цветков — последних, ещё не опалённых гарью, — и спрятала в карман платья.

Когда она вернулась в дом, её ждал Кемаль. Он стоял в гостиной, держа в руке небольшую шкатулку.

— Это было в кабинете вашего отца, — сказал он. — Я подумал, вы захотите взять.

Лейла открыла шкатулку. Внутри лежали документы на виллу, отцовский перстень с печатью, несколько золотых монет и — она ахнула — дагерротип. Маленький, пожелтевший, но всё ещё чёткий: отец, мать и она сама, десятилетняя, с бантом в волосах, стоят на ступенях виллы и смеются.

— Откуда вы знали? — спросила она, не поднимая глаз.

— Не знал. Просто подумал, что такие вещи обычно держат в шкатулках.

Она прижала дагерротип к груди и на мгновение зажмурилась. А когда открыла глаза, он всё ещё стоял рядом — молча, не двигаясь, не говоря ненужных слов.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

— Нет. — Она подняла на него глаза. — Есть за что. За всё. За то, что вы сделали для моего отца. За то, что вы делаете сейчас. Я знаю, что это сделка. Но даже сделки бывают честными и нечестными. Ваша — честная.

Он чуть наклонил голову.

— Вы странная женщина, госпожа Бора. Благодарите за то, за что другие проклинают.

— Меня ещё не поздно проклясть. Дайте время.

Он усмехнулся — и на этот раз усмешка была почти тёплой.

— Договорились. Проклинать будете позже. А пока — поспите хотя бы пару часов. Выезжаем затемно.

Лейла не спала. Вместо этого она обошла дом — комнату за комнатой, коридор за коридором, касаясь стен, дверных ручек, подоконников. Она прощалась с каждой трещиной в мраморном полу, с каждым выцветшим гобеленом, с каждой книгой в отцовской библиотеке. Вилла «Эгей» была не просто домом. Она была свидетельством целой эпохи — эпохи Искандеров, которые жили здесь три поколения. И теперь эта эпоха заканчивалась.

В библиотеке она задержалась дольше всего. Провела пальцами по корешкам — французские романы, турецкая поэзия, арабские трактаты по медицине и астрономии. Взяла с полки томик Хафиза — тот самый, что Селим подарил ей год назад. Открыла. На форзаце его почерком было написано: «Той, чьи глаза — как звёзды». Она захлопнула книгу и положила на стол.

В гостиной, на полу, всё ещё валялась чья-то забытая перчатка. Белая, кружевная, с пятном от шампанского. Чья она была — Эмине? Графини? Дамы, которая так и не успела уехать? Теперь это не имело значения.

На веранде она остановилась у балюстрады — там, где в последний раз видела отца живым. Прижала ладонь к холодному мрамору. Хотела что-то сказать, но слова не шли. Да и кому говорить? Отец не услышит. А Богу она не молилась с детства.

За час до рассвета она разбудила мать. Сафие-ханым оделась медленно, с той механической покорностью, которая была страшнее любых истерик. Фатма закутала её в тёплый плащ, хотя ночь была душной. Элени принесла корзину с едой. Слуги — те, кто оставался, и те, кто уезжал, — собрались у ворот. Некоторые плакали. Другие стояли молча, как солдаты.

Лейла вышла к ним.

— Вы все знаете, что случилось, — сказала она, и голос её, хоть и тихий, разнёсся в предрассветной тишине. — Вилла «Эгей» пока остаётся. Те, кто хочет остаться здесь — оставайтесь. Ключи будут у Мехмеда-садовника. Те, кто хочет ехать с нами — места в обозе хватит. Денег пока достаточно. Я обещаю: каждый, кто был верен моей семье, не останется без помощи. Но сейчас — сейчас нам всем нужно выжить. И я сделаю для этого всё.

Она замолчала. Слуги переглядывались. Потом Мехмед, старый садовник, знавший Лейлу с пелёнок, шагнул вперёд.

— Мы останемся, госпожа. Будем ждать. Вы вернётесь — вилла будет стоять.

— Спасибо, Мехмед. — Она сжала его морщинистую руку. — Береги сад.

— Буду, госпожа. Обязательно буду.

Рассвет застал их уже в пути.

Обоз двигался медленно: две повозки, запряжённые лошадьми, и десяток всадников. Улицы Александрии были пустынные и страшны. Повсюду виднелись следы боёв: разбитые витрины, обгорелые остовы экипажей, опрокинутые телеги. На углах стояли британские патрули — молодые солдаты в пропылённых мундирах, с винтовками наперевес. Кемаль показывал им какие-то бумаги, и они пропускали обоз без досмотра.

— Британский паспорт, — пояснил он, вернувшись в седло. — Полезная вещь. Я выправил его три года назад, когда стало ясно, что империя долго не протянет.

— Вы всё предвидели, — сказала Лейла. Она сидела в повозке рядом с матерью, укутанная в тот же тёмный плащ, что был на ней в часовне.

— Я не предвидел. Я готовился к худшему. Это не одно и то же.

— Но вы не уехали. Хотя могли.

— Мог. — Он бросил взгляд на неё, и в этом взгляде промелькнуло что-то, похожее на любопытство. — Но тогда я не встретил бы вас.

— Вы считаете встречу со мной удачей?

— Пока не решил. — Он отвернулся и прищипорил коня, уезжая вперёд, к авангарду.

Лейла смотрела ему вслед. На горизонте, за восточными кварталами, занимался новый день — такой же серый, как и вчера, но всё же день. А позади оставалась Александрия. Вилла «Эгей». Сад. Могила отца на фамильном кладбище — они похоронили его наспех, без церемонии, под аккомпанемент орудийных залпов. Осталась жизнь, которой больше не было.

Впереди был север. Дом из серого камня. Новая роль. Новое имя. И человек, который стал её мужем не по любви, а по расчёту, но который — она это чувствовала — был единственной опорой в мире, лишившемся всех опор.

Она сунула руку в карман платья и нащупала цветки жасмина. Они уже завяли, но всё ещё пахли. Горько. Честно. Как эта новая жизнь, которая только начиналась.

К полудню обоз миновал последний британский пост и выехал на северную дорогу. Впереди лежали холмы, поросшие кипарисами и оливами. Воздух стал чище, небо — выше. Война осталась за спиной, притаившись в дымном мареве над городом.

Кемаль подъехал к повозке и поравнялся с Лейлой.

— Через трое суток будем на месте, — сказал он. — Дорога спокойная, но на перевалах могут быть дезертиры. Если что — слушайте моих людей.

— Я уже слушаюсь.

— Правда? — он поднял бровь. — А мне показалось, что вы спорите с каждым моим распоряжением.

— Я спорю. Но потом слушаюсь. Это разные вещи.

— Заметил. — Он помолчал, глядя на дорогу. — Знаете, о чём я думаю?

— О чём?

— О том пари. Помните, я сказал, что проиграл его?

— Помню.

— Я рад, что проиграл. — Он бросил на неё короткий взгляд. — Вы стоите больше, чем я думал. И я... рад, что ошибся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.